

АНГЕЛЬСКАЯ ЧЕРТОВЩИНА

Не всем чудесам на Патриарших прудах в Москве происходит, где, конечно, автором чудес делается «странный гражданин», как зовет его Постная триодь, а Михаил Афанасьевич — Воландом. Ну а уж как в Пскове, даже и не в центре, а где-то за вокзалом, если и случится чудо, то в городе святой Ольги и Троицы автором его будет, как ни темно у автора прозвучит, один из «служебных духов, посылаемых на служение для тех, которые имеют наследовать спасение». А сказать проще и по-нынешнему, так просто Ангелом. И имя будет самое простое. Не Воланд какой-нибудь, а просто Макар Иванович, только с фамилией чуть чудной — Афанасьев-Никитин.

Русский Ангел-то и, видно, с фамильным тезкой «за три моря ходил». Да и не в одну Индию. Ему вон и Испания родная, и англичанин Нельсон в товарищах, и шведский мальчик Нильс не чужой. И вон даже и на луне, хоть и малость, а побывал. Конечно, если уж лов-

ких милиционеров и даже спецназ КГБ для спасения мальчика может вмиг не хуже Воланда отправить на другой конец света, то самому-то чего было не постранствовать в столетиях и пространствах.

И за вокзалом-то псковским поселился, потому что увидел, что мальчик Мишаня с улицы Машинистов обижен и опечален. Ну как не утешить — Ангел ведь! Да и самому, видно, на миг захотелось стать мальчиком.

Маленькая повесть псковского писателя ничего не говорит о Боге, оставляя мальчика октябренок, мечтающим о пионерах. Но при всем нынешнем (если вспомнить жанровые игры современных литераторов) «стендапстве» и «палп-фикшенстве» озорного строя повесть полна христианского света, потому что озарена любовью, так и что и самая чертовщина происходящего, где даже и Леониду Ильичу Брежневу сыщется краткая роль, летит на ангельских крыльях лучшей, редющей сегодня и потому особенно необходимой юношеской литературы.

Валентин Курбатов,
писатель, критик, член Президентского совета по культуре,
лауреат премии имени Л. Н. Толстого (1998),
лауреат Горьковской (2009) и Новой Пушкинской (2010) премий

ЧУДЕСА БОЛОТНЫЕ

ПОВЕСТЬ

Рисунок Настасьи Поповой

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В театре жизни единственные настоящие зрители — дети.

Владислав Гжещик,
польский сатирик

Восточную часть Завокзалья сыздавна называли Болотом. Долгое время эта территория от Паровозного проезда до Морозовской ветки, подпертая с юга переулком Машиниста, была пуста. Да и как обживешься на мхах да камышах? Однако после осушения полесских болот могло ли что-нибудь остановить советского мелиоратора? К началу семидесятых Завокзальные топи были обезвожены, засыпаны и подготовлены для гражданского строительства. В 1973 году распахнулись подъезды первой кирпичной пятиэтажки, на адресных табличках которой значилось: «Переулок Машиниста, дом 1».

— Эх, дать бы по шапке этим архитекторам! — ругался сосед Коробовых старик Пахом.

Деда вполне можно было понять. Дело в том, что нумерация домов в старом переулке Машиниста, начиная от улицы Паровозной, шла в сторону болота по возрастанию: дом № 13, 15, 17... 23. А на другом конце переулка, то есть на самом болоте, встал дом под номером 1. Потом появились двигающиеся в сторону Паровозной еще четыре: 3, 5, 7 и 9-й, который упирался в 23-й дом. Таким образом, переулок Машиниста теперь начинался с двух противоположных концов и заканчивался в собственной середине. Вот такая мало кому понятная арифметика. Одним словом, чудеса болотные!

Мишане Коробову в ту пору до всей этой бюрократической эквилибристики было как до Эйфелевой башни. Он играл в войнушку с такими же, как он, восьмилетними пацанами да помогал деду Пахому пасти гуся, по-братски делившего со стариком комнату в соседнем с ними доме...

В воскресенье Мишаня поднялся ни свет ни заря. В семь тридцать он умылся, почистил зубы, самостоятельно сготовил себе чай и в восемь утра уже стоял у маминой кровати. Молча теребил носком тапки половичок, смотрел в окно, за которым, как черные пернатые истребители, носились над огородом скворцы. Искоса поглядывал то на

спящую мать, то на застывшие стрелки старинного будильника. Мама дышала ровно и глубоко, лицо ее во сне разгладилось и помолодело, сейчас она походила на саму себя с висящего на кухне старого фотографического портрета, где стояла она вместе с отцом, тоже молодым, с упавшим на лоб курчавым чубом. Отца Мишаня почти не помнил, тот умер, когда ему едва исполнилось пять лет от роду. Мишаня слушал громкий ход будильника и мысленно просил: «Зазвони, что тебе стоит?» Но тот не звонил.

Мама, словно почувствовав взгляд сына, шевельнулась, моргнула и открыла глаза. Увидев Мишаню, ойкнула.

— Что тебе? — спросила с недовольством. — В воскресенье хоть дай поспать.

— Три золотых волоска деда Всеведа, — тихим претихим голосом сказал Мишаня.

— Какие волоски? Какого седа? — переспросила мать.

— Три золотых волоска деда Всеведа, — повторил Мишаня и добавил: — Надо десять копеек на билет, сеанс в ж/д клубе в десять утра начинается.

— Какой билет? Какие десять копеек? — Мать вскочила с постели, надела халат, откинула в сторону бросившегося ей под ноги кота Пушка и сразу начала громыхать посудой, одновременно продолжая отчитывать сына: — Я сколько раз говорила? Нет у нас лишней копейки. На ботинки тебе коплю. Сейчас вот в магазин пойду за молоком, хлебом, сахар опять же поиздержался, селедку надо взять к картошке. А он — десять копеек! Да ты сам хоть копейку заработал? А мне знаешь как этот воз тащить? Иной раз хоть в петлю лезь...

Бедность не порок, но зачастую едва посильный крест. Нина Сергеевна Коробова думала об этом каждодневно. Бедным и среди бедных жить непросто. Особенно без мужа да с сыном-оболтусом. О чем говорить? Даже мебель в их доме была словно компания нищевродов, собранных в одном месте с переулков и тупиков Завокза-

лья. Самодельный кухонный стол — свадебный подарок свекра и свекрови. Шкаф и кровать в ее комнате — родительские, еще довоенные, слаженные деревянными умельцами. Два табурета на кухне — приношение от промышленяющей бытовым колдовством бабки Кувшинихи — ей Нина Сергеевна помогла восстановить отмененную по ошибке двенадцатирублевою пенсию... До водоразборной колонки, опять же, двести метров. И дорожка туда не зарастает, каждый день вода нужна — и сготовить, и постирать, и грядки полить... А где силы на все взять? Э-эх, нервы уж никуда не годятся! Вот на сыне срывается...

Мишаня чувствовал, как после отповеди матери на глаза его навернулись слезы, побежали по щекам, по подбородку и вниз по шее за воротник рубашки. Он растер лицо ладошками и долгим взглядом исподлобья посмотрел на мать. «Ну все, — решил он, — уйду в лес, потеряюсь, то-то поплачешь без меня!»

Он развернулся и быстрым шагом пошел к выходу из дома.

— Стой! Куда? — крикнула вдогонку мать.

Но он не ответил. Обиженно сопя носом, пересек двор, вышел в переулок и побрел куда глаза глядят. Но прежде постоял у пятиэтажки, глядя на пустующий воскресным утром двор, на облупившиеся зеленые скамейки, одинокие качели, чуть раскачиваемые ветерком, на песочницу, в которой в отсутствие детей хозяйничали коты.

Как же завидовали обитатели частного сектора жителям пятиэтажек! Это ж подумать только? Все удобства под рукой: вода, газ, канализация, тепло! Ни тебе заготовки дров, ни холодного сортира, ни полоскания белья в мороз на колонке... Лепота!

Мишаня этой зависти не понимал. Что может быть лучше, чем носиться как угорелый в собственном саду, прятаться в сарае от немцев, устраивать там красногвардейский штаб? А зимой греться у печки, слушая, как весело трещат в пламени березовые поленья? И что, все это променять на ванну и чугунные батареи? Ну уж нет! Мишаня решительно развернулся и зашагал теперь уж действительно куда глаза глядят...

А глядели глаза в сторону заросшего камышом озера, пропущенного в свое время мелиораторами. При желании здесь можно было выловить карася, ну а уж головастиков и пиявок обитало, что называется, пруд пруди. Минут пять Мишаня бродил по бережку, бил палкой по воде, но в голове все не затихала обида на мать, очень хотелось хотя бы одним глазком увидеть фильм про три золотых волоска деда Всеведа. Одноклассник Серега

пересказывал, так просто обалдеть! Он бросил палку и побрел в сторону 1-й Полевой улицы. Пробрался сквозь заросли бузины, прошел огородами Бригадного переулка и в тупике, за заброшенным сараем, увидел вдруг то, чего там еще совсем недавно не было: небольшой крашенный яркой синей краской дом с крытым крыльцом, под красной черепичной крышей. Вот ведь невидаль? Не сыщешь таких крыш в округе, хоть три дня ищи? Да и дома такого не найдешь? Мишаня готов был землю за это есть. Он застыл с открытым ртом и все не мог взять в толк, что ж такое происходит?

— Смотри, ворона в рот влетит! — сказал кто-то над самым ухом.

Мишаня испуганно обернулся. Пред ним стоял незнакомый русоволосый мужчина среднего роста в черном однобортном пиджаке с воротником стойкой и безупречно отутюженных темных брюках. На ногах его, как остроносые каноэ, сверкали лаком ботинки. Одежды такой Мишаня на обитателях Завокзалья сроду не видал. Мужчина улыбнулся, и от глаз его тут же побежали веселые морщинки.

— Привет, — поздоровался он, — я Макар Иванович, а вы кем будете?

— Михаил! — Мишаня изобразил на лице серьезную мину, вытер о штаны руку и протянул новому знакомцу.

Тот ответил на рукопожатие и опять спросил:

— Где и с кем проживаете, Михаил?

— На Машиниста, с мамкой, — с самым серьезным видом ответил Мишаня.

— Кажется, припоминаю, — Макар Иванович потер пальцами виски, — это не в двадцать ли восьмом доме?

— Так и есть.

— Ну и что у вас, Михаил, за грусть-тоска? — участливо спросил Макар Иванович.

— В кино хотел, да мамка денег не дает.

— Эка невидаль? Так твоя мамка и мне денег не дает, — усмехнулся Макар Иванович, — но это же не повод на пруду рыбу пугать?

— А что, — растерянно протянул Мишаня, — она и вам должна деньги давать?

— Почему бы нет? В нашей стране все люди братья, а доброта — норма жизни, ну в смысле — взаимовыручка, ты мне — я тебе.

— Норма? — переспросил ничего не понимающий Мишаня.

— Ладно, не бери в голову! — Макар Иванович хлопнул мальчонку по плечу. — Тут вот какая история произошла: давеча сижу на завалинке, пролетает надо мной галка — и бац, роняет что-то прямо мне на плечо.

— Какашку? — захихикал Мишаня.

— Вот и я так подумал, — тряхнул головой Макар Иванович, — принял птичий подарок в руку, смотрю, а там...

— Что? — нетерпеливо спросил Мишаня.

— А вот что! — Макар Иванович протянул к мальчику открытую ладонь.

И Мишаня увидел повернутую решкой к небу двадцатикопеечную монету.

— Ну, я сразу и понял, — продолжал Макар Иванович, — что это подарок для одного мальчишка, которому очень хочется попасть в кино...

— Какому мальчику? — замирая сердцем, тихо спросил Мишаня.

— Да знамо какому! Из дома двадцать восемь на Машиниста.

— Мне? — Мишаня почувствовал, что теряет дар речи.

— Ну, если там проживает другой мальчик, то, может быть, ему.

— Нет, там только один мальчик проживает, я!

— Вот-вот, и я о том. И этот мальчик может опоздать к началу сеанса, если не поспешит. А после фильма он может купить на вокзале эскимо на палочке. Жаль, правда, одной копейки ему не хватает.

— А вот и хватает! — радостно закричал Мишаня. — Копейка у меня есть!

Он тут же достал из кармана монету и показал ее собеседнику.

— Отлично, — воскликнул тот, — забирай свои деньги и дуй в клуб, до начала сеанса осталось двадцать минут.

Мишаня не заставил себя упрашивать дважды...

Он вернулся домой к обеду в бодром или, скорее, даже веселом настроении. Вполголоса напевал:

Батарей — огонь, прямая наводка.

Первый, слышишь, нам медлить нельзя,

После боя ребята помянут нас водкой:

Вызываю огонь на себя!

Мать, затеяв стирку, перебирала Мишанины майки и рубахи. В металлическом ведре шумел, нагревая воду, кипятильник.

— Ты, того, про водку поостерегись, — строго сказала мать, — вон, отец твой от нее, окаянной, в тридцать лет в могилу ушел. — Мать указала рукой на висящий на стене фотопортрет. — А сам-то где был все утро?

— Да так, с пацанами в лапту играл на 1-й Полевой, — уклончиво ответил Мишаня.

— Что-то не похоже, — засомневалась мать, — и рубаха чистая, и коленки на штанах целы, и нос не расквашен. Ты где был? — Голос ее опять построжал.

— Ну, в кино ходил на «Три золотых волоска деда Всеведа», — повинился Мишаня.

— Так! — Мать уперла руки в бока, взгляд ее заледенел. — А денег где взял? Украд? Прибью!

— Мне Макар Иванович дал, — заныл Мишаня, — ему галка принесла.

— Я тебе покажу галку! — Мать достала из шкафа ремень. — Выкладывай все как есть!

Под давлением силы Мишаня был вынужден «покаяться» и рассказать все, что с ним произошло, начиная с его самовольного ухода из дома.

Выслушав сына, Нина Сергеевна присела на стул, в задумчивости постукивала себя по коленке кончиком ремня, потом спросила:

— Точно не врешь?

— Чтоб мне провалиться! — «побожился» Мишаня.

— Да ведь не было там никакого синего дома? И Макара Ивановича никакого не было...

— А теперь есть! — Мишаня скосил взгляд на ремень в материнских руках и, пытаясь быть твердым, сказал: — Мы теперь с ним дружить будем!

— Я тебе подружу! — Мать взмахнула в воздухе ремнем. — Я еще этого Макара на чистую воду выведу! Небось алкоголик и прожиг! Участковому на него напишу, отправим его, куда Макар те-

лсят не гонял! А ты сегодня под арестом! Из дома — ни на шаг! Уроки вон делай...

На другой день Мишаня в школе все рассказывал другу Сереге. Конечно, немного приукрасил. С его слов выходило, что это ему галка сбросила на плечо двадцать копеек, а удивленный Макар Иванович предложил ему вечную дружбу и пообещал всегда ходить с ним в кино и покупать эскимо на палочке.

— Везет тебе, Мишаня! — позавидовал Серега...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Детство — когда все удивительно и ничто не вызывает удивления.

Антуан Ривароль,
французский писатель

После школы ноги сами понесли Мишаню в тупичок Бригадного переуллка. По дороге, на привокзальной площади, его едва не загнула и не утащила за собой толпа обеспокоенных граждан с узлами, котомками и огромными фибровыми чемоданами. Они, движимые неведомой стихией, перемещались в сторону автовокзала. Некоторые зычными голосами выкрикивали отдельные то ли просто слова, то ли названия: «Соловьи! Стремутка! Дуловка!» Мишаня решил, что они едут в лес слушать соловьев и каких-то дуловок, про которых он ведать не ведал. Занятый этими мыслями, он не заметил, как бородатый мужик с двумя перекинутыми через плечо мешками намертво прижал его к спине твердой, словно выкованной из стали старухи с фельдшерским саквояжем в руке. Высвобождаясь из плена, он услышал, как бородач паровозным гудком протрубил на всю округу:

— Братцы, а может быть, и нет никакой Стремутки?

Мишаня запаниковал. А может, и ярко синего домика тоже нет? И Макара Ивановича нет? Вчера были, а сегодня нет? Он едва не бегом кинулся через железнодорожные пути, мимо клуба и столовой, через Паровозный проезд, в сторону Бригадного переуллка.

Но домик стоял на месте. Более того, как показалось Мишане, он стал еще более ярким и интересным. Так, на окошках появились резные наличники, фронтовая доска украсилась узорной резьбой, и столбики, подпирающие навес над крыльцом, тоже стали затейливо-резные, с выщепленной вверх выпуклой спиралью, по которой пушцы были зверушки, то ли зайцы, то ли еще кто, убегающие от собак.

Как же он всего этого вчера не заметил? Мишаня вошел во дворик и тут же увидел склонившегося над клумбой Макара Ивановича. Тот был одет в симпатичный светло-коричневый комбинезон с красиво отстроченными белой ниткой карманами. Маленькой лопаткой он выкапывал в земле ямки и что-то туда высаживал, рядом с ним стояла лейка из нержавеющей стали.

И раньше, бывало, Мишаня чувствовал себя счастливым, но сейчас он испытал это чувство с новой, небывалой силой. Ему хотелось прыгать и петь, но он сдержал себя и просто тихо поздоровался:

— Здравствуйте! Огурцы сажаете?

— Если бы! — Макар Иванович выпрямился, утер рукавом рубахи лоб и поднял с земли пустую бутылку из-под вина. — Вот что вынужден сажать. А как иначе? Назван груздем, как говорится, полезай в кузов! Нам, алкоголикам и выжигам, что остается? Ходить куда Макар телят не гонял да выращивать винное дерево, чтобы можно было потом совершенно бесплатно алкоголить. Мы, алкоголики, народ бывалый и сметливый.

— Это как? — спросил ничего не понимающий Мишаня.

— А так, — продолжал Макар Иванович, все более запутывая мальчика, — иной раз узнаешь о себе самые неожиданные вещи. Кто-то скажет, к примеру, что ты лыс, и ты, не доверяя зеркалу, ощупываешь свою голову: а вдруг так и есть? Потому что слово попусту не молвится. Но к делу, продолжим наш эксперимент. Закончим посадку и подождем до завтра. Вырастет дерево, посмотрим, какие плоды принесет? И выясним, кто из нас лыс.

— Так вы бутылки сажаете? — Мишаня переводил удивленный взгляд с торчащих на грядке бутылочных горлышек на Макара Ивановича и обратно. — Думаете, дерево вырастет? Разве так бывает?

— Неважно, что сажаешь, главное — что вырастет! И, уверяю вас, Михаил, — Макар Иванович широко развел по сторонам руками, — в жизни еще и не то случается! Иной раз такое произойдет, что если сидел бы на Луне, так вмиг оттуда бы и упал.

— А вы и на Луне были? — между делом поинтересовался Мишаня, что-то выискивая в своем портфеле.

— Всего лишь пару раз, и то мельком, — смешно сморщил нос Макар Иванович. — Да, юноша, у вас же ко мне дело? Выкладывайте!

— Я придумал план! — понизив голос, значительным тоном сказал Мишаня. — Думаю, галка

опять полетит над вашим домом, а я тут как тут с рогаткой. Бац в нее! А она бац! И выронит на землю двадцать копеек. А может быть, даже и полтинник! — совсем уж шепотом закончил он свою мысль.

Макар Иванович, склонив голову к плечу, внимательно посмотрел на Мишаню.

— Нет, так не годится! — сказал он тоном директора школы. — Никакой стрельбы по галкам! Ты вот по гусю своему стал бы стрелять? (Мишаня отрицательно помотал головой.) То-то. А по галке что ж? Чем же она хуже твоего гуся? Мы лучше вот что сделаем. Тут на грядке еще есть место, посадим в нее твою рогатку и посмотрим, что завтра вырастет. Идет?

Мишаня округлил глаза, сделал губы трубочкой и пожал плечами. На призывный жест Макара Ивановича он отдал ему рогатку и смотрел, как тот откапывает ямку и укладывает в нее его личное оружие. Потом обильно поливает из лейки.

— Все, довольно! — перевел дух Макар Иванович. — Расход. Завтра встречаемся в это же время.

Подходя к дому, Мишаня заметил маячившего на своем огороде деда Пахома. Значит, и гуся шатается где-то рядом. Мишаня переоделся, наскоро перекусил оставленными матерью картофельными оладьями и дунул в соседский огород.

Хозяйство Пахома Григорьевича Железнова, одинокого бобыля, если когда-то и было крепким, то давно пришло в упадок по причине старости и ветхости хозяина. Грядки в огороде он уже который год не вскапывал, покосившийся сарай не подправлял. Забор вокруг его участка, давно мечтающий упасть, держался лишь на медленно сгнивающих подпорках. Стены избы, как щеки неизлечимо больного, покрылись глубоким серым налетом, и лишь отдельно стоящая, сложенная в стожок поленица выглядела нарядной и веселой — за наличием дров и воды в домах участников революций и войн следили местные пионеры-тимуровцы. Но их было мало, а ветеранов — как августовских звезд в Млечном Пути. Однако что-то, а ведро воды в доме деда Пахома, как и у других героев Революции, всегда было полным! Чего ему еще не хватало? Буханки хлеба, головки лука, кисета с махоркой? Это, благодарение Богу, имелось в достаточном количестве. Разве что подкормки для гуся, единственного его домашнего животного? Но тут, очень кстати, приходилась помощь сынка соседки Нины Сергеевны...

Старик, стоя под яблоней, дымил самокруткой.

— Здравствуй, деда! — громко поздоровался Мишаня.

Дед в ответ улыбнулся в бороду и чуть заметное кивнул. Гусь в паре от него метров перебирал клювом траву. Из лопухов выглядывал ничейный щенок Булька. Заметив Мишаню, он радостно замявкал, но подойти не решился — из страха и уважения к забияке-гусю. Мишаня кинул ему горбушку. Потом поманил птицу:

— Гүся-гүся-гүся!

Гусь вытянул шею, повернул к нему черную пуговицу глаза и вразвалку пошел на сближение. Кормить птицу из рук Мишаня не отваживался, поэтому покрошил хлеб на землю. Пока тот лакомился, Мишаня спросил у старика Пахома:

— Деда, а ты смог бы в гүсю пухнуть из рогатки?

— Из рогатки? — Старик от удивления поперхнулся дымом. — Из рогатки, пожалуй, нет. А вот из берданки — завсегда пожалуйста. Хотя сподручнее будет голову ему срубить топориком.

— И не жалко тебе, деда, друга своего?

— А чего жалеть-то? — Старик, сплюнув на пальцы, затушил окурочек и затоптал его в землю. — Я столько друзей на тот свет проводил, что никакого жалка не хватит. Вот, поглядишь, к Рождеству и зажарю твоего гуся с яблоками.

— Я тебя самого зажарю, деда! — пригрозил Мишаня и, сердито махнув на него рукой, пошел к себе домой.

Старик, улыбаясь, смотрел ему вслед...

В своей комнате он сразу сел за письменный стол — единственную в их доме новую вещь, купленную в мебельном магазине. Некоторое время рассматривал тонюсенький альбом с марками. Ядро его коллекции составляли несколько монгольских марок с лошадьми, антилопами, бегущими спортсменами и солдатами в буденовках. На всех марках было написано: монгол шуудан. Они с Серегой пытались понять, что это за шуудан монголу? Но так ничего и не выяснили. Зато Серега, пока суд да дело, сумел выменять у него самую красивую марку с верблюдом на вырезанную из журнала «Советский экран» фотографию Гойко Митича в роли Чингачгука. Мишаня разгладил ладошками складки и морщины на изображении индейского вождя и приладил его на стену. Потом, тяжело вздохнув, открыл учебник по арифметике...

К вечеру вернулась с работы мать, стала расспрашивать сына, как тот провел день. Мишаня всеми силами пытался не проговориться про то, что был у Макара Ивановича. Он ругал деда Пахома, объяснял, какая добрая и полезная птица гусь. Рассказывал, что скоро их направят работать на школьный огород.

— Вот бы и нам разрешили там бутылки в рядки сажать, — размечтался он вслух.

— Какие еще бутылки? Для чего? — насторожилась мать.

— Для эксперимента, — пояснил Мишаня.

— Какого еще эксперимента?

Мишаня пыкнул-мыкнул и тут же раскололся, что называется, от верха до низа. Так что через несколько минут мать знала о всех его приключениях в тупичке Бригадного переулка.

— Ну все! — не на шутку рассердилась она. — Теперь уж точно пойду к участковому Брагину, пусть найдет укорот на этого алкоголика! Сам допил до чертиков, бутылки на рядки сажает и ребенка в свои темные дела втягивает!

— Не ходи к Брагину, у него вместо мозгов овес в голову просыпан, так тетя Вера из столовки говорит! — захныкал Мишаня и пропел дурашливым голосом:

Пошел Брагин за овраги,
Нашел Брагин банку браги,
Прямо с горла брагу пил,
Очень он ее любил.

— Цыц! — прикрикнула мать. — Дура твоя тетя Вера! В наказание завтра после школы сходи на 1-ю Полевую к Саньке Непушкину, он у меня уж как две недели назад трешку занимал. Пусть отдает, охламон. В общем, пой, пляши, а деньги от него выблазни. Без трешки не возвращайся!

Мишаня насупился и пошел доделывать примеры по арифметике...

На другой день в школе он получил две четверки и тройку. А Серега, заглядывая ему в рот, слушал рассказ про чудо-огород Макара Ивановича.

— Везет же тебе, Мишаня, — опять позавидовал он другу...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Учить детей — дело необходимое, следует понять, что весьма полезно и нам самим учиться у детей.

Максим Горький,
советский писатель

Из школы домой Мишаня, подгоняемый ветром, бежал со всех ног. На привокзальной площади спонялся давешний бородатый мужик. Он, похоже, окончательно отбил от своих. Заплечных мешков с ним не было, зато под левым глазом отсвечивал огромный фиолетовый синяк. Раскинув, как крылья мельницы, руки, он пытался ловить прохожих и с мукой в голосе вопрошал:

— Братцы, где эта Стремутка?

Мишаня ловко уклонился от его объятий, миновал дремавшего у фонарного столба постового милиционера, поздоровался с торгующей пирожками тетей Клавой и нырнул в хмурые глубины Завокзалья.

Замедлил шаг он лишь у заветного тупичка в Бригадном переулке. И тут же увидел Макара Ивановича. Тот сидел на завалинке у стены дома, подперев щеку рукой, и о чем-то думал. Подкравшись, как казалось ему, незаметно, Мишаня присел рядом.

— Как считаешь, — тут же спросил Макар Иванович, — заколосятся нынче наши нивы?

Мишаня не ответил, он, со смесью ужаса и восторга, смотрел на возделанную ими накануне рядку, там метра на полтора поднялся от земли густо покрытый листвою куст, плодов и ягод на нем, правда, не обнаруживалось.

— Ветерок сегодня, не находишь? — вздохнув, сказал Макар Иванович, — А всхожесть, однако, плохая, и урожайность ноль.

— А это-о кто-о? — растягивая слоги, шепотом спросил Мишаня, указывая на место, где вчера была закопана его рогатка.

— Не кто, а что, — поправил Макар Иванович, — это саксаул, древесное растение семейства амарантовых, произрастает в пустынях и служит кормом верблюдам и курдючным овцам.

— А где моя рогатка?

— Ну, это ж... — Макар Иванович пожал плечами и вскинул руки к небу. — Где? Скрылась в неведомых глубинах и, так сказать, послужила основой... Впрочем, о чем это я? Неужели живой саксаул хуже неживой рогатки?

— Не хуже, — согласился Мишаня и, указав на зеленеющий куст, спросил: — А этот из какой бутылки вырос, из водочной или винной?

— Об этом спросишь у деда Пахома, пусть сделает запрос в академию наук, ему ответят, он Перекоп брап. Да, и давай без официальщины, мы уж три дня знакомы, ты меня называй дядя Макар, а я уж тебя, по-свойски, Мишаня. Не раздражаешь?

Мишаня согласно кивнул и, недолго помолчав, спросил:

— Дядя Макар, а ты почему любишь водку?

— А ты? — Макар Иванович искоса взглянул на мальчика.

— А я ее вовсе не люблю, я даже ее не пробовав.

— Вот и я тоже. — Макар Иванович взлохматил свою русоволосую шевелюру. — У меня есть предложение: давай, когда ты вырастишь, вместе

ее попробуем, а потом выпьем то, что попросили, и навсегда закроем эту тему. Идет?

— Идет. Ох, — вдруг вспомнил Мишаня, — мне мама поручила от Саньки Непушкина долг получить, трешку. Только он не отдаст, он жадный, как царь Кощей.

— Ну не наговаривай же на людей! — Макар Иванович прижал подбородок к груди и исподлобья взглянул на Мишаню. — Твой Александр Непушкин еще вчера занес мне три рубля, сильно извинялся, просил тебя не держать зла. В доме на обеденном столе лежат, потом заберешь.

— Это как же? — удивленно спросил Мишаня. — Так сам и отдал?

— А как же иначе, не я же его просил? У меня, кстати, в Нижнем тоже дружок был — Леха Негорький, большой любитель занимать. То рубль в долг возьмет, то трешку, а то и пятерку. Отдавал, правда. Не сразу, но отдавал. Хотя, — Макар Иванович почесал затылок, — трешку все-таки зажил. Занял перед отъездом на Капри — и все — пишите письма! А ведь говорил: рожденный ползать летать не может! А сам взял и упорхнул. Вот как бывает, брат Мишаня! А пойдём-ка чайку попьём? За это время, глядишь, и урожай наш созреет, да и ветер утихнет.

В доме у Макара Ивановича было увлекательнее и красивее, чем в школьном музее и даже в учительской. В обширных сенях, застланных домоткаными половиками, стояли два старинных, окованных железом сундука, на стене над ними висели огромный топор, двуручная пила, деревянное корытце и две пары лаптей. У другой стены, украшенной пучками луговых трав, растянула спину длинная лавка, заставленная глиняными горшками, плошками и чугунами.

В просторной кухне, выдержанной в светлых тонах, вдоль стен расположились широкие тумбочки с выдвигаемыми ящиками, над ними висели застекленные полки с посудой. На одной из тумбочек был выставлен роскошный столовый сервиз. Чего только не было в этом почтенном фарфоровом семействе! Дородная, как купчиха, супница в украшенном крупными цветами сарафане, степенные, как замужние дамы, тарелки для супа, легкомысленные, словно дочки на выданье, блюдца для закусок, основательные, как помощники приказчика, блюда для говядины и свинины, свояченица-салатница и юная поросль из солонки, перенницы и соусника.

А чего стоила великолепная старинная икона, одетая в сверкающую золотом ризу, на полке в углу! Мишаня видел такие, когда был с матерью в Троицком соборе...

Светлый обеденный стол, поражающий воображение массивностью и резными грушеобразными ножками, был пуст, если не считать лежащей на самом его краешке трехрублевки.

— Да уж, — пожал плечами Макар Иванович, — купюры мы нынче делать разучились. То ли дело николаевская катенька или хотя бы пятирублевка? А тут ни кожи ни рожи. Но бери какая уж есть!

Мишаня сунул трешку в карман, и пока Макар Иванович готовил чай, заглянул в соседнюю комнату, которую сам хозяин представил ему как спальню-кабинет.

— У-ух! — только и смог воскликнуть Мишаня.

Была б его воля, он вообще бы из никогда этой комнаты не выходил. Потому что... Потому что здесь были собраны несметные сокровища, о которых любой мальчишка мог только мечтать... На письменном столе стоял большущий корабль под белыми парусами, с пушками, спасательными шлюпками и тысячей всяких мелочей, присутствующих на всяком уважающем себя паруснике. Рядом лежала подзорная труба. На стене красовалась пиратская шпага с широким эфесом и старинный кремневый пистолет. У окна, утверждённый на треноге, сверкал на солнце никелированными боками настоящий телескоп. А чего стоило прячущееся в тени за шкафом странное копьё с полукруглым лезвием топора сбоку от острия! Или кривая сабля, лежащая на узкой, по-спартански заправленной кровати! А коллекция машинок разных стран, выстроенная рядами на журнальном столике!

— У-ух! — еще раз воскликнул Мишаня и взмолился: — Дядя Макар, можно мне это потрогать?

— Только под наблюдением врача, — строго сказал Макар Иванович, — потому что у детей от этого пропадает аппетит и поднимается температура.

— У меня не пропадет, — пообещал Мишаня, — я хоть сейчас целую селедку съем!

— Зачем же селедку? — скривил губы Макар Иванович. — У меня есть вещи повкуснее, венские пирожные, например, тульские пряники, конфеты «Мишка на Севере», ну и чай «Три слона». Так что прошу к столу.

Макар Иванович усадил Мишаню на обтянутый серым гобеленом стул с высокой прямой спинкой и удобными подлокотниками. Для пущего комфорта подложил на сиденье подушечку-думку.

Чай пили молча, потому что рот у Мишани все время был занят: то пряниками, то пирожными, то конфетами. Наконец он с шумом выдохнул воздух.

— Все, баста! — поставил он точку в чаепитии.

Встать сразу из-за стола по причине перегруза желудка он не мог, поэтому какое-то время рассматривал разноцветные обложки книг, собранных на стоящем в кухонном простенке высоком, до потолка, стеллаже.

— С книгами-то дружишь? — поинтересовался Макар Иванович.

— Сказку о царе Салтане читал, о Мертвой царевне, Мальчика-с-пальчика, Мальчиша-Кибальчиша. А у вас это что за книги, Пушкин?

Макар Иванович подошел к полке и постучал пальцем по корешку зеленой книги:

— Эта про то, как у одного майора по фамилии Ковалев сбежал его собственный нос. А вот эта, — он коснулся корешка толстой красной книги, — про то, как одному губернатору сделали вторую голову, потому что в первой что-то сломалось, но и новая голова пострадала при доставке, так что с этими головами возникла сущая путаница, а кончилось все народными волнениями и бунтом...

— Интересные у тебя книги, дядя Макар, — вздохнул Мишаня, — может быть, мамка и мне когда-нибудь такие купит?

— А ты, брат, не жди у моря погоды. В ж/д клубе неплохая библиотека, попроси мать, чтобы зашла туда в субботу, записалась и предупредила, что сын будет приходить за книгами. А там и про майора Ковалева, и про Чингачгука, и про Оцеолу, и про Пеппи Длинныйчулок.

— Это что, мне столько книжек надо прочитать? — удивился Мишаня.

— Столько, еще полстолько, и еще сто раз по столько! Вот сколько! — торжественно сказал Макар Иванович. — Тебе в жизни всего надо самому добиваться. Ты ведь, как дед Пахом, раненному Щорсу голову бинтом не обвязывал? Как вокзальная лоточница Клава, в подполье не состоял, листовки на немецкий штаб не клеил? Так что пионеры твоим именем свой отряд не назовут. И достойного пенсионера тебе не предвидится! Учись, и тогда все у тебя будет. Да и много чего узнаешь, например:

Как государство богатеет,
И чем живет, и почему
Не нужно золота ему,
Когда простой продукт имеет.

Мишаня широко улыбнулся и указал подбородком на вход в спальню-кабинет:

— Можно мне туда, поближе все посмотреть?

— Иди, — разрешил Макар Иванович, — только к оружию не прикасаться, ничего на пол не ронять и все, что берешь, ставить на место. А я пока

посуду помою. Потом пойдем чудо-дерево смотреть...

— Дядя Макар, у тебя корабль совсем как настоящий! — крикнул из кабинета Мишаня. — Там внутри свет горит, и кто-то не по-нашему разговаривает. Там, что ли, игрушечные немцы?

— Испанцы, — поправил подошедший из кухни Макар Иванович. Он вытер руки о висящее на плече полотенце и, склонившись над столом, заглянул в крошечный квадратик окна. — О! — воскликнул он. — На камбуз команда идет, чувствуешь, как черепашьим супом пахнет? Кок у них — виртуоз!

— А там что, и кухня игрушечная есть? — недоверчиво спросил Мишаня.

— Ошибаешься, брат! Настоящая! У них там все настоящее, как и сам корабль! Это «Санта-Доминго» — двухпалубный 74-пушечный линейный корабль 3-го ранга. Представь себе, один из лучших кораблей данного класса, плод совершенства испанской военно-морской архитектуры. 2400 медных пластин на бортах! Он принимал участие в уйме сражений, в том числе Трафальгарском. Мощь!

— Как крейсер «Аврора»? — приоткрыв от удивления рот, спросил Мишаня.

— Зачем «Аврора»? У этого корабля собственное лицо и собственная песня. 21 октября 1805 года он в составе объединенной франко-испанской эскадры вступил в бой с английской эскадрой под командованием адмирала Нельсона. Сражение это получило название Трафальгарского. В этот день, худший для «Санта-Доминго», дул слабый западный ветер, иногда заходящий на румб к северу. Приближался шторм, сильно качало. При таком волнении корабельная артиллерия не способна на эффективную стрельбу на большие дистанции. Нужно иметь ум гениального стратега, чтобы в таких условиях вести бой. Таким стратегом и был Нельсон, он шел в полный бакштаг, приказав поставить для увеличения скорости дополнительные лиселя...

— Это тебе папа рассказал? — предположил внимательно слушающий Мишаня.

— Нет, — совершенно серьезным тоном ответил Макар Иванович, — Грэг Сноу, он служил канониром на британском фрегате «Фиби», отчаянный головорез. Он собственными глазами видел, как 100-пушечный британский линейный корабль Royal Sovereign залпом орудий с левого борта снес весь рангоут, включая фок-мачту, «Санта-Доминго». И развернувшись, довершил разгром артиллерией правого борта. «Санта-Доминго» вышел из боя едва цел и попытался самостоятельно дойти до Кадиса, но сгинул в морской пучине, как

считали и испанцы, и англичане, но... На самом деле он сменил ветра океана на вечный покой кабинета, после тщательного ремонта, конечно...

— Вот бы мне такие игрушки! — мечтательно сказал Мишаня. — Я бы был капитаном и пулял бы из пушек! Бах-бах-бах!

— Да, Михаил! — оборвал мальчугана Макар Иванович. — У вас явно поднялась температура, пойдете-ка на воздух!

Они вышли на крыльцо и зажмурились от яркого солнечного света.

— Я же говорил, что будет штиль? — довольным тоном сказал Макар Иванович. — К тому же в небе ни облачка.

Облака действительно бесследно растворились, и лишь солнце, как раскаленная паровозная топка, в которую неистовый кочегар закинул сто пудов угля, ярилось и жгло.

Они подошли к грядке, и Мишаня опять онемел от удивления. Проросший из бутылки куст еще более вытянулся вверх и разросся вширь, но не это вызвало его удивление: на ветках появилось множество самых разнообразных вещей. Так, Мишаня заметил большой дерматиновый кошелек, какие-то свертки, книги, тетради и даже электрический утюг...

— Кто это повесил? — обомлел мальчуган.

— Михаил, ты же советский октябренок! — с деланой обидой в голосе воскликнул Макар Иванович. — Ты должен, как дважды два, знать, что на чудо-дерево ничего не вешают. Там все вырастает само!

— А это что? — Мишаня указал пальцем на изогнувшийся спиралью саксаул, который, кроме листьев-чешуек, обзавелся одним-единственным «отпрыском», непонятно что из себя представляющим.

— Сейчас посмотрим. — Макар Иванович склонился над корифеем джунгарских степей и туранских пустынь. — Так, все понятно, здесь вырос птичий домик, сиречь скворечник, мал он, правда, еще. Ты, Мишаня, его сорви и прикопай где-нибудь в укромном уголке вашего огорода. Пускай пустит корни. Глядишь, через недельку-другую он и поднимется в нужный рост. А там повесите его с дедом Пахомом на кривую яблоню, вот будет радость для пернатых! Но пойдём же собирать урожай с чудо-дерева. Сколько раз это делал, а всегда волнуясь...

Макар Иванович ненадолго ушел в дом и вернулся с вместительной картонной коробкой.

— Соберем в нее все, что уродилось, — пояснил он и, не откладывая, начал тут же аккуратно снимать с чудо-дерева «плоды».

— С этим ясно. — Макар Иванович вслух комментировал ход уборочной страды. — А это что? Чудные дела Твои, Господи, думал уж, никогда не найдется. Так, это в депо, это в милицию. А это куда? Ясно! Возьми! — Макар Иванович протянул мальчику спичечный коробок. — Здесь засушенный коллекционный жук-олень, который твой школьный дружок потерял в Летнем саду, когда гулял там с бабушкой. Передай Сереге с пламенным приветом!

— А Серега говорил, что его рогача забрали в зоологический музей как ценный экспонат, — с недоумением пожал плечами Мишаня.

— Это, наверное, другого рогача забрали, а этот был утерян аккуратно у качелей-лодочек. Так, идем дальше, утюг отправим тете Клаве, это ей за то, что она плюнула на сапог фашистскому обер-фельдфебелю Герману Шланге. А трубка и табак — деду Пахому, отличился старик при ликвидации левозэсеровского мятежа в Москве в восемнадцатом году. Лично Ульянов-Ленин руководил! — Макар Иванович потряс перед Мишаниным носом указательным пальцем. — Лично! А тебе, товарищ Мишаня, октябратское поручение. Этот кошелек отнесешь в паровозное депо, отдашь бригадире ремонтников Поликарпу Ефимовичу. Фамилия у него Кошель. Прямо как в анекдоте — кошель к Кошелю. Скажешь, что нашел в переулке Путьейца. У него, кстати, в этом самом переулке заводские мазурики этот кошель и отобрали, а там вся его зарплата. Он станет предлагать тебе рубль — не бери, а то его потом жаба давить будет, скажи, что двадцати копеек тебе хватит. И ему не жалко, и тебе в самый раз на кино и эскимо. Копейку небось опять найдешь? А Кошель потом внукам будет рассказывать, как дал бедному мальчику... Погоди... Да, он будет говорить, что отдал ребенку пятьдесят копеек. Вот ведь шельма! Ладно, простим его, он женою-деспотом сурово обременен. Ты иди, Поликарп Ефимович как раз сейчас заканчивает смену. А потом назад вертайся, у нас с тобой еще дела...

Мишаня не заставил себя упрашивать, сунул дерматиновый кошелек за пазуху, где уже покоился коробок с рогачом, и дунул в сторону депо. Мимо этого таинственного дома для паровозов он проходил постоянно, но внутри бывать ему еще не доводилось. Робея, он прошел сквозь приоткрытые ворота и оказался в необозримо большущем полутемном зале, где с потолка свисали тросы с железными крюками и все вокруг стучало и гремело. Прямо перед ним пыхтел, выпуская пар, огромный черный паровоз. У одного из колес стоял чумазый дядька в темной спецовке и постукивал

*Чем совершеннее воспитание,
тем счастливее народы.*

Гельвеций,
французский писатель

по рессоре молоточком. Заметив мальчишку, по-манил его к себе:

— Ты чего здесь слоняешься, сорванец?

— Ищу Поликарпа Ефимовича, у меня к нему дело.

— Вон видишь, у стены мужик газировку из автомата пьет? Это и есть Ефимыч.

— Спасибо! — кивнул Мишаня.

Он быстро приблизился и стал наблюдать, как Ефимыч выпивает три стакана газировки кря-ду. А тот наконец утерся и спросил:

— Что тебе? Здесь посторонним запрещается!

— Я не посторонний, я кошель принес

— Ты чего обзываешься? — вскинулся было Поликарп Ефимович, но, увидев дерматиновый кошелек, онемел и обездвижил.

— Откуда у тебя? — просипел он не своим голосом.

— На Путьца нашел, — ответил, как его учили, Мишаня.

— Пустой? — вытаращил глаза Кошель.

— Не проверял, — честно признался Мишаня.

— Вот врать-то! — Поликарп Ефимович схватил кошелек, достал из него кипу червонцев и трясу-щимися пальцами взялся их пересчитывать. — Все до копейки на месте! — обескураженно воскликнул он. — Это как же? Ведь три месяца прошло? Где нашел, говоришь?

— На Путьца, в траве у забора лежал, — заученно повторил Мишаня.

— Ладно, поверю. — Поликарп Ефимович спря-тал кошелек в карман. — Надо тебя как-то отбла-годарить? — Он энергично взлохматил свою пегую челку. — А давай я в школу сообщу, пусть тебя по пионерской линии поощряют? Грамоту какую дадут или барабан подарят?

— Я еще октябренок, — скромно потупил голо-ву Мишаня.

— А хочешь, я тебе рубль дам? — Поликарп Ефимович стал хлопать себя по карманам, но купю-ру доставать не спешил.

— Ладно, дядь, дай двадцать копеек, мне хватит, а то тебя жаба убьет!

— Кто? — не понял угрозы Поликарп Ефимович, но тут же сильно повеселел, разулыбался и вручил Мишане двадцатикопеечную монету.

— Знай мою доброту! — Он потрепал маль-чишку за вихор.

— Только вы потом внукам правду скажите, — уже уходя, попросил его Мишаня. — Что двадцать копеек мне дали, а не какой-нибудь там полтинник.

— Что? О чем говоришь? — опять недослышал бригадир ремонтников.

Но мальчугана уже и след простыл...

Вот что мы имеем, кроме того, что уже было названо, — услышал Мишаня, ко-гда вернулся в компанию Макара Ивано-вича. — Итак, профсоюзный билет на имя Авдея Кукуева. — Хозяин дома в тупичке помахал в воз-духе тоненькой бордовой книжечкой. — Это ваш школьный учитель по труду, зашел в Гельдтову баню, попарился, встретил товарища — физрука из вспомогательной школы, выпили дружки пивка, и вот тебе результат: профсоюзный билет утерян на бережку среди камней, авоська с парой двух-пудовых гирь и свистком забыта неизвестно где. Ну хоть документ вернулся!

— А где гири? — любопытствовал Мишаня.

— Так кто ж их знает? Такие вещи на чудо-де-реве не растут, их разве что на дне танталова ко-лодца можно найти! Или на Кудыкиной горе! Но я в те сферы не вхож. Идем далее... Ключ от Мав-золея в Галикарнасе — между прочим, жена в честь мужа, царя Мавсола, выстроила, — считал-ся навсегда утерянным. Передадим в ГИМ. Под-кова Буцефала — ее туда же. Папка с доносами от Мыколы Пиджачко с Вагонного переулка на соседей. В огонь! Нечего поощрять уродов. А вот это — свидетельские показания по факту ограбле-ния продмага бандой Бори Худого, это мы участ-ковому Брагину отдадим. Сегодня он, кстати, сюда явится для выяснения моей личности, а я ему документ — извольте принять и под арест злоде-ев! Знаешь, кто свидетель?

Мишаня равнодушно пожал плечами.

— И то верно! Зачем тебе? Да тут и тайна след-ствия налицо... Далее, пионерский галстук Павлика Морозова — отправим в Ижевск, в музей пионер-ии и комсомола. Подтяжки солдата Швейка — это в чехословацкое посольство. Кинжал Брута... его можно пока оставить, тем более прямых на-следников у Марка Юния вроде бы нет. Расписка на бересте от Соловья-разбойника Илье Муром-цу — это, пожалуй, в музей художественного сви-ста. Рукопись второго тома «Мертвых душ»... Ладно, сам прочитаю, потом решу, куда. А вот еще набор книг по школьной программе и всякие сладкие мелочи — коробочка с эклерами, пакет леденцов, петушки на палочки, связка бубликов с маком... Это в школу-интернат. И наконец, пик се-зона, чудо автомобильной индустрии — спорткар

Lamborghini Countach 1972 года. Кому? Известное дело, будущему пионеру Михаилу Коробову! Получите и распишитесь!

— Мне? — спросил Мишаня тусклым голосом, принимая в руки необыкновенной красоты ярко-красную автомодельку.

— А где энтузиазм, где радость? — с удивлением воскликнул Макар Иванович.

— Эх, — вздохнул Мишаня, — хочешь, я тебе тайну расскажу?

— Валяй.

— Я решил стать машинистом паровоза. Поэтому мне очень нужен паровоз, хотя бы маленький, премалюсенький! — Мишаня сдвинул ладони на расстояние двух спичечных коробков.

— Паровоз? — Макар Иванович озадаченно почесал затылок. — И где ж, по-твоему, я его возьму?

Мишаня молча посмотрел в сторону Паровозного депо.

— С ума сошел? — перешел на шепот Макар Иванович. — А кто за последствия отвечать будет? Это же скандал? Милицейские сирены? Строгий прокурор?

Мишаня опустил голову, и тут же ему на коленку упала скупая мужская слеза.

— Ладно, — вздохнул Макар Иванович, — что-нибудь придумаем. Ступай, уроками займись. Будет повод, дам весточку через верных людей. Салют! Да, гусю Мартину привет!

— Салют! — Мишаня вскинул ко лбу согнутую в локте руку. — Почему Мартину? Он же просто гуся?

— У каждого гуси должно быть имя, и Мартин — самое для гуси подходящее. Когда запишешься в библиотеку, узнаешь почему. Еще раз пока!

Мишаня в ответ прощально махнул рукой и побежал к дому. По дороге он, не выдержав, достал из кармана красную модельку и, зажав ее в руке, натужно загудел:

— Ж-ж-ж!

С Бригадного переулка он на форсаже свернул на Паровозную и, еще прибавив газа, рванул в сторону Декабристов; лихо перескочил Морозовскую ветку, ревя мотором, долетел до Лунинского переулка и здесь резко затормозил, вспомнив данное матери обещание не бывать в этом краю Завокзалья. На краешке сознания замаячила материнская рука с зажатым в ней ремнем, угрожающе покачивающимся из стороны в сторону. Но мотор призывно гудел: ж-ж-ж! Как тут повернешь назад? Только вперед! Он врубил скорость и, выжимая из мотора все возможное, мигом домчался до Декабристов, повернул налево, через

десяток секунд — опять налево, и по улице Лунинской, сделав большой зигзаг, выехал на Паровозную. Здесь Мишаня, почувствовав, что в его авто кончается бензин, загнал машину в гараж и отправился далее пешком. Он был почти что счастлив и даже тихо напевал:

Мы сыны батрацкие,
Мы за новый мир,
Щорс идет под знаменем —
Красный командир...

Пел бы громче, если бы не заноза в сердце: черный паровозик с красной звездой на фронто-не. Свернув в переулок Машиниста, он пересекся с идущим навстречу пионерским отрядом. Те шагали в ногу, под барабанный бой. Палочки четко отбивали нужный ритм: правая, левая, правая, левая, правая, левая... старый барабанщик, старый барабанщик, старый барабанщик крепко спал, он проснулся, перевернулся, встал и снова заиграл...

Мишаня остановился и отдал салют. Командир отряда окинул его недовольным взглядом: мол, мал еще салюты отдавать! Но Мишаня все равно держал согнутую руку у лба, пока пионеры не скрылись за углом Паровозной...

У двора деда Пахома гуся ссорился с котом Пушком. Гуся махал крыльями, угрожающе га-га-кал, норовя ущипнуть. Пушок в ответ шипел, бил по воздуху лапой и отползал назад.

— Трус-белорус! — крикнул ему Мишаня.

Кот, обиженно мяукнув, скрылся под штабелем старых досок.

— Привет, Мартин! — поприветствовал гусю Мишаня.

— Что еще за Мартин? — подал голос выходящий из-за куста сирени дед Пахом.

— Так теперь гусю зовут, потому что у гуси тоже должно быть имя, сходи в библиотеку, если не веришь!

— Вот уж, за жарю твоего гусю на Рождество, — опять пообещал старик.

— Злой ты, деда! — надул губы Мишаня. — А еще Революцию делал. Небось и Ленина знаешь?

— Знавал трошки.

— А почему тебе тогда памятник не поставили?

— Какой мне памятник? Я — отставной козы барабанщик.

— Вот если не будешь гусю Мартина обижать, я вырасту и тебе памятник поставлю. Прямо на рельсах у вокзала, пробегут паровозы — привет Мальчишу! То есть деду Пахому!

— Так паровозы его раздавят.

— Фигушки! Мы его из самого крепкого желе-
за делаем! И потом, на паровозе я буду ездить, а
я тебя давить не буду.

— Запутал ты меня, сорванец, кто все-таки бу-
дет стоять на рельсах — памятник или я? — Дед
Пахом достал из кармана трубку и стал не спеша
набивать ее табаком. — Вот пионеры только что
приходили, вручили трубку и табачок за боевые
революционные заслуги, — похвастался он.

— На рельсах лучше стоять тебе, — чуть поду-
мав, сказал Мишаня, — ты, если семафор слома-
ется, будешь поезду рукой путь указывать. А я
тебя буду объезжать.

— А ну другой кто поедет? — предположил дед
Пахом. — Он ведь того, и переехать может?

— Деда, ты умный или нет? — Мишаня постучал
себя пальцем по лбу. — Ну, переедут тебя, и что?
Ты ведь старый, тебя и так скоро в могилку поне-
сут. Зато будешь лежать как Мальчиш-Кибальчиш:

Плывут пароходы — привет Мальчишу!
Пролетают летчики — привет Мальчишу!
Пробегут паровозы — привет Мальчишу!
А пройдут пионеры — салют Мальчишу!

Дед Пахом окутал себя густым табачным обла-
ком, когда дым рассеялся, он уже поворачивался,
чтобы уходить.

— Не буду я памятником, — проворчал он на-
последок, скрываясь за кустом сирени, — так и
помру отставной козы барабанщиком...

Гуся несколько раз сердито крякнул и вразвал-
ку пошлепал вслед за стариком.

Мишаня, решив опять окунуться в будни авто-
гонщика, выгнал из гаража спорткар, завел мо-
тор — «ж-ж-ж» — и окликнул щенка Бульку, желая
перед ним покрасоваться, но вдруг заметил побли-
зости странного и очень подозрительного незна-
комца. Тот ему подмигивал и жестами подзывал
к себе. Весь его вид вызывал недоверие: был он
в кургузом заплатанном пиджаке, с грязным, не-
определенного цвета платком на шее, в высокой
шляпе-колпаке, продранной насквозь в нескольких
местах. На плече держал большущий сачок.

— Я верный человек, с весточкой от друга! —
сказал незнакомец приглушенным голосом, изо-
бражая на лице странные гримасы.

— Где-то я вас видел? — задумчиво спросил
Мишаня. — Вы к нам в школу не приходили?

— Бывал, бывал, — тут же согласился незнако-
мец, — где я только не бывал!

— Вспомнил! — вдруг воскликнул Мишаня. —
Вы Дуремар из «Золотого ключика»!

— Вот и познакомились, — как болванчик, за-
кивал головой новоявленный Дуремар, — у меня

для вас ценная бандероль. — Он снял с плеча са-
чок, запустил руку в заляпанную засохшей тиной
конусообразную сетку и извлек на свет божий...
огромную лягушку.

— Не то, — пробормотал он и отпустил земно-
водное в траву, еще раз пошарил в сетке и выта-
щил на сей раз прямоугольный сверток. — Только
тсс, никому! — приложил он палец к губам. —
Вам дается в пользование до завтрашнего обеда.
Потом вернуть! Кому — знаете сами. И тсс! Никто
ничего не должен знать!

— Могила! — пообещал Мишаня, принимая
ценный груз, оказавшийся крайне тяжелым.

Дуремар тут же развернулся и, выкидывая
ноги, словно ходули, далеко вперед, зашагал
прочь, а Мишаня побежал домой. Оказавшись в
своей комнате, он, горя нетерпением, разорвал
упаковку и — о, чудо! — увидел перед собой на-
стоящий, только сильно уменьшенный в размере,
черный, как ночь, паровоз. На боку его крохот-
ными белыми буквами был прописан номер:
ОР-237-85. Мишаня обомлел от счастья!

— Не может быть! Не может быть! — словно в
горячечном бреду, повторял он. — Что же теперь,
я машинист? Могу хоть сейчас в Ленинград? Или в
Черняковицы? Ура-а! — не сдерживая более себя,
закричал он.

— Ты что это тут воюешь? — воскликнула вер-
нувшаяся с работы мать. — Что это у тебя? —
спросила она, войдя в комнату сына. — Откуда?

— Это? — Мишаня не на шутку струхнул и выпал-
лил первое, что пришло в голову: — Друг Серега
дал проиграться до завтра.

— Вещь, видно, дорогая. — Мать подошла бли-
же и попробовала паровозик на вес. — Поиграй
сегодня, а завтра верни, а то мало ли что?

— Хорошо, к обеду верну, — пообещал
Мишаня.

— Ты знаешь, сын, просто чудо какое-то, — вы-
кладывая из авоськи на стол продукты, стала рас-
сказывать мать. — Иду сейчас домой, а навстречу
кто бы ты думал? Сергей Мартинсон, киноартист,
Вилли Поммера играл в «Подвиге разведчика»,
Керосинова да Дуремара в «Золотом ключике». Помнишь? Он, кстати, и был в костюме Дуремара. Что, вспомнил?

— Нет, — пожал плечами Мишаня, — не припо-
мню такого.

— Завтра бабам на работе расскажу, не пове-
рят! Тебе на ужин что готовить? Селедку с мака-
ронами будешь?

Мишаня потихоньку прикрыл дверь и тут же
погрузился в таинственный мир железных дорог.
Он потерял счет времени и вернулся в реальность

только тогда, когда услышал на кухне голоса. Мать разговаривала с каким-то мужчиной. Мишана приоткрыл дверь, выглянул. У них за кухонным столом, поглаживая непослушный чуб, сидел участковый Брагин.

— Итак, по вашему обращению, уважаемая Нина Сергеевна, я провел следственные действия и установил, что Макар Иванович Афанасьев-Никитин — фамилия у него такая — действительно проживает в тупике Бригадного переуллка, проживает, надо отметить, на законных основаниях, имея все необходимые документы. Еще надо отметить, что он оказал неоценимую помощь органам внутренних дел в задержании банды опасных рецидивистов. Так что к нему, кроме благодарности, претензий нет. Живет гражданин Афанасьев-Никитин, надо отметить, небогато, как нормальный советский человек. Дома у него из мебели кровать да стол, а так — шаром покати. Он даже чай пьет, надо отметить, из консервной банки. Так что вы, уважаемая Нина Сергеевна, вместо чем жалобы строчить на советского пролетария, помогите бы, чем можете, пустым стаканом, например, или чайником. Надо отметить, что взаимопомощь — главный аргумент советского человека. Тем более сейчас, когда обстановка в микрорайоне крайне неблагоприятная. Вот маневровый паровоз сегодня пропал. И что самое интересное, никуда уехать он не мог, все пути движения были перекрыты подвижным составом. Но уехал! Мало ли что услышите? Сейчас же ко мне. Номер паровоза запишите: ОР-237-85. Надо отметить, что налицо хитрый и коварный умысел, потому что перед кражей на боку паровоза злоумышленниками было нацарапано «Кузякин дурак». Кузякин — это машинист. Перед личным составом нашего линейного отдела поставлена задача: найти! И надо отметить, найдем! Так что и вы, Нина Сергеевна, подключайте соседей и не спите на месте, ищите, как говорится, вдруг что обнаружите? Ну ладно, вынужден откланяться! Пойду пройдуся по домам на Паровозной...

* * *

Несколько часов назад

Перед обедом машинист Кузякин демонстративно обстучал молоточком гайки на дышлах, тягах и крейцкопфах своего маневрового. «У нас, как в оркестре, все на слух», — повторил он очередным практикантам из ПТУ, набиравшимся опыта в их паровозном депо. Перед тем как отпустить пацанов в столовку, поставил задачу на вторую

половину дня: смазать буксы тендера, подгрести уголь в лоток, набрать воду из колонки.

Оставшись один, поднялся в будку машиниста. Подумав, что на улице достаточно тепло, снял рабочую тужурку, повесил на крючок. Для порядка ощупал карман: на месте ли паспорт? На месте. Там же лежало три рубля ассигнацией и сорок четыре копейки мелочью. За деньги и документы Кузякин не беспокоился, воровства у них в депо сроду не водилось. Скорее дома жена экспроприрует, с нее станется, а тут век пролежит чинчинарем. Впрочем, свою рабочую вахту он надолго не оставлял, обедал тут же в будке паровоза, благо жена ежедневно давала ему с собой тормозок. И все из-за вящей любви к профессии. Более всего на свете Кузякин уважал и ценил машинистов, он крайне уважал их всех поголовно, кроме Васи Дрынова. Однажды, когда обмывали они тринадцатую зарплату, Дрынов прилюдно назвал его сволочью и двинул в ухо. С той поры про себя он Ваську машинистом не считал и здоровался с ним сквозь зубы, как с каким-нибудь кочегаром. Поскольку и сам Кузякин работал машинистом, то и себя ценил высоко. Он специально заучил на память подходящие пушкинские строки и цитировал их по поводу и без повода. Так, к примеру, оказавшись в гостях у тещи, он усаживался за стол и, постукивая себя в грудь, декламировал:

Он уважать себя заставил
И лучше выдумать не мог...

Вот и сейчас он прочитал эти строки для самого себя и заглянул в тормозок. Увидев любимые котлеты и картофельное пюре с подливой, обрадовался: молодец, жена, знает чем порадовать мужнину душу! Но прежде чем предаться пиру плоти, он решил спуститься вниз и еще раз проверить свою паровую машину. Ведь, как говорится, береженого Бог бережет. По обеденному обыкновению дал паровозным свистком три коротких гудка, означающих «Стой! Паровоз остановился», и прыгнул на землю, захватив тряпку, чтобы протереть табличку на тендере «Вода отравлена. Для питья непригодна».

Солнце разошлось и жгло, как в каком-нибудь Яшкуле. Разомлевшие голуби прохаживались по жутковатого вида луже, зеленовато-синей от мазутных разводов. «Эх, сейчас бы на курорт в Трускавец! — мечтательно подумал Кузякин. — Однако не слишком ли жара взялась? Не должно такого быть!» Припекало как в бане, такого жара и в июле не сыщешь, а чтобы в мае? Кузякин почувствовал, что покрывается потом. Что-то при-

ближалась — недоброе, нехорошее! Душа заболела, и он тревожно огляделся вокруг. Вроде бы все находилось на своих местах, но что-то все равно было не так. Небо необычно засеребрилось и пошло блестками, воздух сгустился и как горячий бульон обжигал горло, а солнце вообще распоясалось и распухло на полнеба...

— Ничего, бывает, переживем, — шепотом успокоил себя Кузякин.

Он утер мокрый лоб и примерился тряпкой к табличке. Но что это? Рядом кто-то крупными корявыми буквами нацарапал: «Кузякин дурак!»

— Дрынова, каналья! Прибыю! — вскричал ошарашенный Кузякин и метнулся в сторону депо. Он пробежал по рабочим цехам, но там было пусто, все ушли на обед в столовку. Что ж, и он кинулся туда же.

Столовая, полная под завязку рабочим людом, звенела посудой и стучала ложками. Кузякин поднялся на персты, пытаясь разглядеть злостную физиономию Дрынова, но обнаружить оную не сумел.

— Васю Дрынова не видел? — спросил он у стоящего в очереди бригадира ремонтников Поликарпа Ефимовича.

— Дрынова? — переспросил тот. — Так он вроде бы на больничном? Да, точно, Ян Янович на планерке бригадиров упоминал об этом. А зачем он тебе?

— Да так, — Кузякин пожал плечами.

«Кто же тогда? Кто?» — мучительно думал он, возвращаясь на рабочее место. Он так глубоко задумался, что зашел куда-то не туда. По крайней мере в этом месте его маневровый отсутствовал. «Погодь? Где это я?» Он внимательно огляделся по сторонам, одновременно медленно замирая сердцем. Он там, где нужно! Здесь пятнадцать минут назад стоял его маневровый. Теперь тут было пусто: паровоз исчез. Вот оно, предчувствие! Не обмануло! Кузякин тихо завыл. Если бы у него был паровозный свисток, то он выдал бы один длинный и три коротких гудка, повторяя их многократно. Это означало сигнал общей тревоги...

* * *

Как только ушел участковый, Мишаня вернулся к игре в паровозик. Он совершил еще несколько рейсов в Ленинград и Москву, после чего поставил паровую машину под загрузку углем.

«А может быть, и на моем паровозике что-то написано?» — вспомнил он слова участкового. Из верхнего ящика стола он достал десятикратную

лупу, через полминуты под сильным увеличением смог прочитать на левом борту паровозика корявую надпись: «Кузякин дурак!»

— Ну вот, — сказал он вслух, — значит, это пишут на всех паровозах, даже на игрушечных. Надо рассказать об этом гусе. И что это за Кузякин такой?

В эту ночь Мишаня спал крайне плохо, без конца ворочался и то и дело повторял одни и те же слова: «Кузякин дурак! Кузякин дурак! Кузякин дурак!..»

ГЛАВА ПЯТАЯ

Мальчик кричит: «Нельзя! Двое на одного!» Он ведь не знает, что только так и будет.

Рамон Гомес де ла Серна,
испанский писатель

Кутру у Мишани поднялась температура до сорока с половиной градусов. Он метался в постели и бредил:

— Угля, дайте угля! Мартин, Мартин, не уходите! Макар Иванович...

Нина Сергеевна сбегала на вокзал, позвонила в поликлинику, потом сообщила на работу, что сегодня ее не будет. Ожидая врача, прикладывала к пылающему лбу сына мокрое полотенце. Врач явился к одиннадцати часам. Это был пенсионер Калистратыч, он подменял штатного участкового в случае ее болезни или отпуска.

— А что Иванова? — спросила Нина Сергеевна.

— Да приболела, — шипящим старческим голосом ответил Калистратыч.

Все знали, что он чуть ли не из бывших. В двадцатые годы, еще юношей, работал санитаром в окружной психиатрической лечебнице, позже, получив медицинское образование, — в первом особо секретном стационаре КТПБ — Казанской тюремной психиатрической больницы НКВД СССР. Выйдя на пенсию, стал подрабатывать детским терапевтом. Его уважали за доброту, но не любили за методы лечения, главными из которых были касторка и клизмы с ромашковым настоем.

— Так-с, сейчас дадим вашему отпрыску порошки, — прошепелявил Калистратыч, — мамаша, принесите воды. Температура скоро спадет и сынок ваш спокойно проспит до вечера, а там повторите порошки. Как полегчает, дайте касторки. И клизмы, обязательно клизмы с ромашковым настоем! Обязательно!

— Хорошо, доктор, — устало вздохнула Нина Сергеевна, — а вдруг хуже станет?

— Чего вдруг хуже? — с сердитой ноткой в голосе спросил Калистратыч. — Будете доктор слушать — не станет хуже. А если все-таки станет, тогда скорую. Тогда только скорая поможет, если успеет. Но клизмы в любом случае обязательны!

После ухода врача Нина Сергеевна какое-то время сидела у постели сына, пока тому действительно не стало лучше. А как ему полегчало, занялась уборкой: протерла пыль, вымыла пол, сложила в ровные стопки тетради и учебники на письменном столе. Из-под кровати достала паровоз и от нечего делать начала его рассматривать. «Игрушка, а как настоящая, — подивилась она, — самые мелкие детали видны, и как это умеют делать? Вон и номер на боку!» Номер... Что-то в ее голове щелкнуло и завертелось вокруг этого номера... Но позвольте? Она выбежала на кухню, схватила со стола оставленную участковым бумажку и, вернувшись, сравнила то, что там было написано, с номером на игрушке.

— Совпадают! — сказала она мгновенно осипшим голосом. — Это как же? Как это может быть?

На столе у сына она заметила увеличительное стекло и чисто интуитивно, взяв его в руки, начала подробный осмотр подозрительной игрушки. И тут ее постиг новый удар.

— Как, и это есть? — вскричала она, обнаружив глупую обзывалку «Кузякин дурак!». — Нет, не может быть! — Она больно ущипнула себя за ухо и опять начала осматривать паровоз через лупу. Надпись осталась на месте...

Она схватила игрушку, завернула ее в полотенце и заметалась по комнате:

— Так, куда? В КГБ? Прокуратуру? К участковому?

Остановилась на последнем. Брагин хоть и тепленький, но свойский человек, с понятием. Чтобы попасть к нему, пришлось опять бежать на вокзал, где у участкового в отделении милиции был свой кабинет.

Линейный отдел милиции размещался в южном, с трехэтажным ризалитом, крыле вокзала. Жизнь тут всегда кипела, поскольку гопников в здешних местах водилось хоть отбавляй. Переполненный обезьянник без роздыха нецензурно шумел, плевался, втихаря курил и пытался петь про камыш и Таганку. Нина Сергеевна отшатнулась от прильнувшего лицом к прутьям решетки оборванного бородатого мужика с черным фингалом под глазом.

— Отпустите на волю, братцы! — страдальческим голосом восклицал тот.

В дежурке Нина Сергеевна спросила, где найти Брагина. Ей указали на конец коридора, где сле-

дало повернуть налево и подняться на второй этаж.

На нужной двери висела табличка «Участковые». Женщина постучала и тут же вошла. В небольшом кабинете стояло три стола, за одним, прямо под портретом Ленина, сидел толстый лысый дядька в гражданском пиджаке, а за другим — Брагин, как всегда в мундире с капитанскими погонами. Лысый грыз сухарь, запивал кефиром и читал газету «Гудок». Брагин, отхлебывая из стакана чай, слушал по радио последние известия.

— Здравствуйте, это я опять. — Нина Сергеевна без приглашения присела на стул напротив капитана.

— Слушаю вас, гражданка. — Брагин, почему-то сделав вид, что с посетительницей не знаком, прикрутил радио и, допив одним большим глотком чай, отодвинул от себя стакан.

— Я по поводу пропавшего маневрового, вот! — Нина Сергеевна, развернув на коленях полотенце, выставила перед участковым миниатюрный паровоз.

— Вы что, белены объелись, гражданка? — Брагин позеленел от злости. — Нам, надо отметить, в бирюльки играть некогда! Мы на серьезные дела здесь поставлены!

— А вы на номер посмотрите! — Нина Сергеевна указала рукой на бок паровоза. — И еще кое на что, но это надо через лупу.

Брагин взглянул на представленный ему предмет, наморщил лоб, пытаясь что-то припомнить. Не припомнив, достал из кармана блокнот, пролистал до нужной страницы.

— Ну и что? — повысил он голос едва не до крика. — Ну, совпадают номера? Так это вы, надо отметить, возможно, и нарисовали? При чем тут пропавший маневровый и эта, надо отметить, игрушка?

— А при том, что этот паровозик дал вчера днем моему сыну его школьный товарищ Сергей Басов и уже тогда на этой, как вы выразились, игрушке стоял этот номер и была намалевана обзывалка про то, что Кузякин дурак. Это вы как объясните?

— Да не буду я это объяснять! — все-таки сорвался на крик Брагин. — Идите домой, гражданка, и унесите этот, надо отметить, экспонат.

— Не кипятись, Гендос, — попридержал напарника лысый. — Тут надо покумекать, знаешь, как сейчас вражеская агентура работает? У-ух! Там такие технические средства, нам и не снились. Маскируют все под обиходные и бытовые вещи, игрушки, к примеру. Мой совет: ты прими заявление от гражданки, оформи эту игрушку — или чем там она является? — как вещдок. Хуже не бу-

дет. А там пусть опера подключается, следствие, старшие братья, наперонец.

Лысый подошел к столу Брагина, взял в руки принесенный заявителем предмет, поднес к глазам.

— Опять же, посмотри, какая детализация? Он не отлит, а собран из мельчайших частей. Игрушки так не делают, нет, здесь что-то не то. Враг не дремлет, Гендос!

— Ладно, гражданка, — сбавил обороты Брагин, — как вас там? Нина Сергеевна? Вот вам лист бумаги, ручка, подробно все изложите, внизу — дата, подпись.

— А может быть, потом напишу? — попыталась было уклониться от своей гражданской обязанности Нина Сергеевна. — Давайте пойдем прямо к Басовым, припьем к стенке, что это, мол, у вас за шпионские штучки?

— Ну, это уж, надо отметить, не вам решать, куда идти и кого к стенке ставить! — решительно оборвал женщину Брагин. — Ваше дело, надо отметить, сидеть и писать. Вот и пишите!

Нина Сергеевна вздохнула и придвинула к себе бумагу и ручку.

— А про Макара Ивановича писать? — спросила она.

— Пишите что сочтете, — махнул рукой Брагин, — бумаги, надо отметить, у нас много.

За окном загрохотало — это груженный углем и лесом товарняк проследовал в сторону советской Эстонии...

* * *

Мишаня проснулся в страшном испуге: ему приснилось, что Мартин на его паровозе навсегда уезжает в Ленинград.

— Не надо, Мартин! — уже вернувшись в явь и сидя на постели, вскрикнул он.

Успокаиваясь, посмотрел в окно, где вечер раскрашивал сад светло-серыми красками.

— Это не на самом деле! — успокоил он самого себя и, соскочив на пол, заглянул под кровать. Но там стояли лишь его домашние тапки.

— Где ты, паровозик? — со слезами в голосе всхлипнул Мишаня.

Он кинулся обыскивать комнату, затем весь дом, но ни через минуту, ни через десять, ни через пятнадцать подарка Макара Ивановича так и не нашел.

Вернувшаяся домой мать обнаружила его сидящим на полу посреди кухни и размазывающим слезы по щекам.

— Ты что, сыночек? — испуганно спросила она.

— Паровозик уехал! — простонал Мишаня. — Что теперь делать?

— Успокойся, милый! — мать погладила его по голове. — Паровозик от тебя не уезжал, его ненадолго взял участковый Брагин, чтобы кое-что проверить, это связано с исчезновением маневрового в депо. Завтра тебе паровозик вернут.

— Его сегодня днем надо было отдать! — еще сильнее заплакал Мишаня. — Я обещал!

— Кому? Басову Сереже?

— Нет, совсем другому!

— Ничего не понимаю! — Нина Сергеевна в недоумении пожала плечами. — А кому же тогда?

Мишаня не ответил. Он лишь тер глаза кулаками и хныкал. Сколько мать его ни пыталась, он продолжал молчать.

— Ладно, — сдалась Нина Сергеевна, — иди в кровать, у тебя постельный режим. Ужинать будешь?

— Нет! — наотрез отказался Мишаня.

Лежа в постели, он не мог найти себе места и ворочался с боку на бок. Его мучила совесть, и оттого он еще более, чем раньше, сделался больным. Он представлял, что попал в плен к буржуинам и те требуют от него выдать военную тайну.

— Фигушки вам, — отвечал он отважно, — можете расстреливать. И уже видел, как его ведут на расстрел, целятся и бабахают! Бах-бах!

Он проснулся, за окном было темно, хоть глаз выколи. Кто-то стучал к ним в дверь.

— Кого нелегкая принесла? Кто там? — злым спросонья голосом крикнула мать.

Ей что-то ответили, но Мишаня не расслышал. Кто это мог быть? На ум ему ничего не приходило. Мать тем временем пошла открывать.

Послышался мужской голос, и Мишаня тут же его узнал: это был участковый Брагин. Паровозик принес? Мишаня слез с постели и чуть приоткрыл дверь, чтобы не пропустить ни единого слова.

— Простите, Нина Сергеевна, — кипящим беспокойством голосом выплеснул милиционер, — если бы не ситуация, я бы, надо отметить, никогда! Но обстоятельства побуждают...

— Что вы несете, Геннадий Фомич? Говорите яснее, ночь на дворе все-таки, не время для таких визитов. А мы с вами мало знакомы, давеча вы меня вообще не узнавали.

— Простите, Нина Сергеевна! — так же торопливо протараторил Брагин. — Это все, надо отметить, служба, а так я всегда, пожалуйста! Вы не представляете, что было!

— И что же было? И почему вы к нам?

— Ладно, по порядку, сейчас только в себя приду. — Брагин лихорадочно встряхнулся и, тре-

можно взглядываясь в повисший за окном мрак, продолжал: — Как только вы ушли, к нам по какому-то пустячному делу заглянул начальник следствия, увидел макет паровоза, заинтересовался, долго разглядывал, в итоге забрал все — и сам паровоз, и ваше заявление. Не знаю, что там в их кабинетах происходило, но, надо отметить, часа через три в отдел привезли семью Басовых в полном составе. Я присутствовал на допросе бабушки, Лукерьи Анисимовны. Она утверждала, что ни сном ни духом про паровозики не ведает. Остальные утверждали тоже. Сначала их, надо отметить, отпустили, но потом появились старшие братья из Комитета, и их опять вернули, загрузили в автозак и куда-то увезли. Я слышал, что опергруппа отправилась на задержание Макара Ивановича. Что-то там не срослось, опергруппа поначалу, надо отметить, выдавала какие-то путаные сообщения, а потом престала выходить на связь. В это же время готовилось и ваше задержание, но после пропажи первой опергруппы комитетчики дали отбой и установили режим усиленного наблюдения. Надеялись, надо отметить, использовать вас как наживку для этого, будь он неладен, Макара Ивановича.

— Нас? Как наживку? — обескураженно спросила Нина Сергеевна.

— А как вы думали? Меня так, надо отметить, вообще приказано было арестовать. И все из-за этого Афанасьева-Никитина, темный оказался человек. Я его ведь положительно в рапорте отметил, как помощника органов внутренних дел. А он, надо отметить, целую опергруппу ухайдакал. Кто под подозрением? В первую голову я! Да что там я? Напарника моего, Леху Врунова, того лысого мужика, что со мной в кабинете сидел, так его комитетчики под белы руки и в воронок. А он-то, надо отметить, вообще не при делах. В общем, я едва ушел, драное пальтишко от бородатого мужика из обезьянника взял, вот и сейчас в нем. А мужика пришлось отпустить. Видели бы вы, как он припустил в свою Стремутку!

— Какая Стремутка? Какой мужик? — Нина Сергеевна нервно постукивала по столу рукой. — Как вы к нам пробрались, если за домом наблюдают? Да и зачем?

— Я же, надо отметить, местный участковый, знаю диспозицию. Попросил помочь одноногого Жору-моряка, сказал, что немцы опять Псков взяли, на Машиниста окапываются. Он сильно под хмельком был, набрал в авоську пустых бутылок из-под Солнцедара и пошел бить фрицев. Бутылками их забрасывает из канавы. Вот я под шумок и проскочил. А пришел я, чтобы злодея Афанась-

ева-Никитина задержать. Он ведь явится к вам или уже был?

— Зачем ему к нам?

— А как же? Это ж он вашему сыну паровоз дал, следствие установило.

— Господи ж боже наш! — в испуге перекрестилась Нина Сергеевна. — Нет, не было никого.

— Ладно, мне надо бежать, пока наружка не очухалась, — заспешил вдруг Брагин. — На Морозовской ветке, вдоль Лунинской, старый склад есть, я там пока схоронюсь. Если вдруг появится Афанасьев-Никитин, вы его задержите, а ко мне Мишку пошлите, я мигом прибегу и гада задержу!

Брагин втянул голову в плечи, надвинул на глаза кепку и выскользнул за дверь.

Мать еще долго не могла успокоиться, гремела посудой, ведрами, передвигала стулья. Спать отправилась лишь под утро.

Мишаня тоже не спал. Он обдумывал услышанное, которое никак не могло уложиться в голове в нужный порядок. Почему Макара Иванович злодей? Зачем нужно его арестовывать? Ведь он добрый и хороший?

Дважды за ночь над их домом низко пролетал вертолет. Где-то выли сирены. А когда расцвело, совсем рядом прозвучало несколько выстрелов. Но этого Мишаня уже не слышал. Он заснул мертвым сном...

* * *

За несколько часов до этого

Ближе к вечеру в тупике Бригадного переуллка сгустилась небывалая тишина, даже гудки паровозов сюда более не доносились, они затихали в Паровозном проезде где-то в районе продмага, словно натыкаясь там на глухую непроницаемую стену. Командир специальной опергруппы капитан Мыцул оторвался от окуляров бинокля и прихлопнул на щеке комара. Это был уже третий прибитый им кровосос за последнюю минуту.

— Озверели, собаки! — шепотом выругался он.

А комаров, действительно, на глазах прибывало. Они, словно грозовая туча, сгущались и окружали весь личный состав опергруппы.

— Вот напасть! — пробухтел рядом полускрытый за стволом старого тополя лейтенант Васильев, махая перед лицом кистью руки. — Товарищ капитан, не нравится мне этот дом, что-то с ним не так!

— Да вижу, — ответил Мыцул, разглядывая в бинокль притаившийся в глубине тупика небольшой ультрамариновый домик.

А тот словно играл с оперативниками в странную игру: он то раскачивался из стороны в сторону, то пятился назад, то выступал вперед. Крыша его то сдвигалась набекрень, то выпрямлялась и приподнималась к небу...

— Что это его корежит? У него что, крыша поехала? — недобро пошутил Васильев.

— Отставить прибаутки! — скомандовал Мыцул. — Дело в погоде, в оптических аномалиях, видишь, комаров сколько привалило? Значит, дождь будет. — Капитан уж в который раз хлестко ударил себя по лицу и только собрался выругаться, как вдруг осекся: — Так, стоять, вижу в окне движение... мужчина... наш клиент...

Он тут же включил рацию и доложил:

— Первый-первый, я четвертый, фиксирую объект в адресе, наши действия?

— Захват! — прохрипел голос из динамика.

Мыцул выпрямился, быстрым взглядом окинул членов опергруппы и жестом дал команду «вперед!».

Пока оперативники бесшумно продвигались в глубину тупика, дом предпринял попытку скрыться. Он, как осьминог, выпустил чернильную копию самого себя и попытался было присесть за кусток.

— Етишкина жизнь! — удивленно булькнул Васильев, передергивая затвор «Макарова». — В какую дверь ломиться, командир?

— Следуй моей команде! — крикнул капитан и тренированным телом разметал в клочья чернильное облако псевдодома. — Васильев, Одинок, обходите слева, остальные за мной!

С разбега капитан ударил ботинком в наружную дверь, та без всякого сопротивления распахнулась, и капитан тяжелым снарядом влетел в заваленные хламом сени. В это же время Васильев и Одинок, высадив окно, проникали в дом со стороны сада. Остальные члены опергруппы двигались вслед за командиром. А тот, расшвыряв по сторонам пустые картонные коробки, выставив перед собой ствол пистолета, распахнул следующую дверь...

И зажмурил глаза от яркого солнечного света. В лицо ему пахнуло ледяной свежестью моря, которое, собственно, и плескало волнами почти что у его ног. По другую сторону узкой береговой полосы громоздились завалы из огромных камней, переходящие в горные уступы и сопки, покрытые диким первозданным лесом. Мыцул обвел взглядом горизонт: кроме леса и моря, ничего другого здесь не наблюдалось. «Что происходит? — подумал он, холодея. — Где мы? Куда делся дом? Тако-го не может быть».

— Мужики, смотрите! — крикнул Одинок, указывая куда-то рукой.

Мыцул обернулся и увидел, что издалека вдоль кромки воды в их сторону большими прыжками несется медведь.

— Полундра! — отдал он странную и неожиданную для себя команду.

Первым отреагировал Васильев и, скинув табельный ПМ, сделал несколько беспорядочных выстрелов. Его поддержал кто-то из оперативников. Топтыгин затормозил всеми четырьмя конечностями, резко развернулся и дунул обратно...

— Это что, командир, тоже оптическая аномалия? — Васильев, тяжело переводя дыхание, обвел вокруг себя руками.

Мыцул молчал, собирая в кулак разум и волю. Он понимал, что от того, как он себя сейчас поведет, зависит дальнейшая судьба всего их маленького подразделения. «Без паники, — внушал он себе, — только без паники». Надо действовать так, ровно ничего не случилось!

— Разберемся, — буркнул он и, отмахнувшись от роя комаров, включил рацию, но та выдавала лишь ровный шипящий фон, — разберемся, — повторил он и, оглядев застывших с немым вопросом в глазах оперативников, скомандовал: — Группа, в колонну по одному стройсь, за мной марш!

— Мужики, лица закрывайте от гнуса, иначе себя не узнаете, — посоветовал всем Одинок.

— Так вот откуда были комарики-то злые, а он — иллюзия! — тихо, чтобы не услышал командир, съязвил Васильев.

Они двигались в противоположную от медведя сторону — туда, где солнце уже вплотную подкатывало к сопкам. Через час, когда сумрак, как кисель из черной смороды, начал стекать с поросших лесом склонов им под ноги, впереди замаячил огонек костра.

— Эхма-а-а, — ухнул филином Васильев, — может, пожрать дадут, живот сводит.

Мыцул жестом дал команду остановиться.

— Поют, кажется? — спросил он.

Все замерли, прислушиваясь. А вдали действительно пели знакомое и родное:

Славное море — священный Байкал,
Славный корабль — омулевая бочка.
Эй, баргузин, пошевеливай вал,
Молодцу плыть недалечко...

— Вот тебе на, неужели и впрямь Байкал? — Васильев от удивления присел на корточки. — Всегда мечтал побывать!

— Отставить прибаутки! — скомандовал Мыцул и тяжелым снопом рухнул рядом на гальку...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

*Легко следовать за тем,
кто правильно идет впереди.*

Коменский,
чешский писатель

Мишане снилось, что он командир боевого отряда и ведет его вдоль улицы Паровозной.

— Подтянись! — командует он. — Шире шаг!

В первом ряду марширует Ильич, у него галстук в горошек и две кепки — одна на голове, другая в руке. Рядом — дед Пахом в папаше с красной звездой, он несет авоську, из которой тарачит в разные стороны глаза-пуговицы гўся Мартин, в следующем ряду идут Щорс с обвязанной бинтом головой, на рукаве у него кровь, и участковый Брагин с заляпанным тиной сачком на плече.

— Заряжай! — отдает Мишаня новую команду. — Огонь!

Выполняет только Ильич, он стреляет от бедра из спрятанного под кепкой пистолета.

— Еще раз ого... — пытается скомандовать Мишаня, но его обрывают на полуслове.

— Отставить огонь! День белый на дворе! Пора вставать! — кричит кто-то из-за спины красного комдива Щорса...

Мишаня проснулся, разлепил глаза. И увидел перед собой Макара Ивановича.

Тот вольно расположился на стуле. В черной пиджачной паре, ослепительно белой рубашке и повязанном на шее вместо галстука розовом платке, он очень сильно кого-то напоминал.

— Ты, дядя Макар, как волшебник из «Старой, старой сказки», — вспомнив, сонным голосом сказал Мишаня. — Только шляпки не хватает.

— Вот именно, только шляпы нам сейчас и не хватает! — строго-назидательным тоном сказал Макар Иванович, — Натворили мы с тобой дел, друг ситный, напортачили, что называется, с три короба, надо теперь расхлебывать.

— Тебя не арестовали? — спросил Мишаня и безмятежно потянулся.

— Отчего ж? Пытались! — Макар Иванович сбил беззвучным ударом среднего пальца пылинку с рукава пиджака. — Действовали в полном соответствии с постановлениями ЦК партии о работе советской милиции. Ввалились с оружием наперевес в окна и двери.

— И что? — удивленно округлил глаза Мишаня.

— Что-что? Узнаем, когда доберутся до дома. Но дорога неблизкая, если точнее, 6033 киломе-

тра 630 метров. Столько от острова Ольхон, куда отбыли они вчера вечером, до этого дома. Зато по тайге побродят, воды из Байкала напьются. Заодно и медведей погоняют. Романтика!

— А дальше что было? Расскажи! — не унимал любопытство Мишаня.

— Дальше опять пришли арестовывать, теперь уже усиленным пулеметными расчетами отрядом. Сначала пустили газ, потом очередь дали из пулемета, а после — лобовая атака бойцов ВВ.

— И кто победил? Наши?

— Наши, а кто же! Не скажу, что это далось совсем просто. Их атака в тупичке Бригадного переулка получила продолжение в другом месте и в другое время. Если, опять быть точнее, то 5 июля 1877 года. Сводный отряд из сотрудников городского УВД и бойцов 44-й конвойной дивизии... неведомым для них образом влился в поток наступающих войск под командованием царского генерала Гурко... Только что были тут и вдруг, в мгновение ока, оказались там! Вот такая петрушка! А деваться некуда! Переглянулись и потянулись со всеми к перевалу Шипка, который обороняли пять тысяч турецких солдат Хулюсси-паши. А там бой. Что делать? Пустили в ход несколько гранат, дали десяток очередей из пулеметов, и это решило исход дела. Будущее взяло верх над прошлым! Турецкие войска в панике бежали. Так что подходящий с севера отряд генерала Святополка-Мирского в бою за ненадобностью задействован не был. Хоть на что-то пригодились ребята! Представляю их адреналин! Впрочем, ход истории они не изменили, потому что русские и так бы победили. А гости из будущего в самом скором времени были возвращены обратно в свое время и рассеяны, как горох, на территории от Калининграда до Камчатки. Так что соберутся вместе они ой как не скоро!

— Я тоже сегодня солдатами командовал, — похвастала Мишаня, — мы тоже победили...

— Да, мы вообще по жизни победители! Только вот с паровозом промашку дали! Нельзя было его трансформировать и тем более ребенку давать!

— Какому ребенку, мне? — с обидой в голосе спросил Мишаня. — Я тебе не ребенок! Я почти пионер!

— Эх, дало мое сердце слабину! Захотелось тебя, Мишаня, удивить и обрадовать! Слово сына... Но надо дело исправлять! И без тебя, Мишаня, тут никак! Поможешь?

— А то как же! — по-военному отрапортовал тот.

— Тогда слушай! Скоро у вас соберутся всякие люди, вопросы станут задавать. А ты скажешь,

что знаешь про артефакт одну тайну. Они станут выпытывать, и ты им скажешь...

— Что?

— Да вздор сущий. Типа: надо активировать сенсорный ключ, чтобы открылся новый горизонт возможностей артефакта. Запомни слово в слово! Это пароль.

Мишаня два раза повторил на память слова Макара Ивановича.

— Тебя будут расспрашивать, как это сделать. Особенно один, с такой холеной бородой по грудь. А ты скажи, что можешь открыть тайну только ему на ухо. Он подставит ухо, и ты в него просто дунь, как на палец, когда обожжешь. Все ясно?

— Ясно.

— Тогда съешь эту конфету. И наш паровозик тю-тю!

— Куда тю-тю? — спросил Мишаня, отправляя в рот переданную ему Макаром Ивановичем шоколадную сладость.

— Хочешь — объясню. Мы ведь, Мишаня, больше с тобой не увидимся!

— Никогда? — Мишаня часто заморгал глазами. — Жаль. Мне было с тобой интересно!

— А мне-то как! — грустно улыбнулся Макар Иванович.

— А ты волшебник из какой сказки, дядя Макар? — задал вдруг неожиданный вопрос Мишаня и, облизав измазанные шоколадом губы, добавил: — Я вот не волшебник, я еще только учусь.

— И я у тебя многому учусь, Мишаня! — признался Макар Иванович, — А насчет того, из какой сказки я волшебник... Нет, обо мне лучше судить такими вот словами: «Не все ли они суть служебные духи, посылаемые на служение для тех, которые имеют наследовать спасение...» Непонятно? Ничего, потом поймешь. Не забудь про библиотеку, кстати! А сказки... Реальная жизнь куда более невероятнее! Сказки, мой юный друг, лишь бледное подобие действительности. Теперь про паровозик... Ты, Мишаня, скушал не простую конфету и теперь своим дыханием инфицируешь академика Куликовского, для него, как и для тебя, это безвредно, но вот для артефакта, то есть нашего паровозика, как только рука ученого его коснется, это станет сигналом для активизации фактора сигма. Что это, объяснить не смогу, но в двух словах — паровозик превратится в обычную игрушку из детского мира. И никаких больше тайн и загадок. Все! Да, Мишаня, вас с мамой захотят сегодня увезти в далекий секретный город. Но из этого ничего не выйдет. Ты еще и сам удивись, как это произойдет! И куда тебе ехать? У тебя вон скворечник вот-вот в полный рост в огороде по-

дымется. Его надо будет повесить на яблоню. Мощник для этого у тебя есть...

— Мартин? — перебил Мишаня.

— И он тоже. Он второй после деда Пахома. Дай-ка я тебя обниму! Много чего у тебя в жизни будет. Но ты ближе к истине держись. Хотя с истинной невозможно разминуться. И ты ее встретишь, быть может, на своем собственном, а не Савлом, пути в Дамаск...

Этих слов Мишаня уже не разобрал, он плакал, прижимаясь к пахнущему карамелью пиджаку Макара Ивановича.

Тот поцеловал на прощание своего юного друга в маковку и, быстро приоткрыв дверь, вышел на кухню.

— Куда, там же мама? — хотел было его остановить Мишаня, но Макара Ивановича в комнате уже не было.

Мальчик тут же выскочил вслед за ним. Увидел сидящую за кухонным столом мать, она что-то писала под диктовку незнакомого мужчины в сером костюме.

— Где? — вскричал Мишаня. — Где дядя Макар?

— Сынок, тебе что-то приснилось? — Оторвавшись от бумаг, Нина Сергеевна с тревогой посмотрела на сына.

То же сделал и незнакомец в сером костюме, только взгляд его был тяжел и смертелен, как бронебойная пуля двенадцатого калибра...

* * *

Макар Иванович шагнул через порог. Закрывая за собой дверь, слышал Мишанин вскрик «Куда, там же мама?» Но мальчик опасался напрасно: комната, где оказался Макар Иванович, совсем не походила на кухню Коробовых. Она вообще мало походила на комнату. Стены были обклеены старыми газетами, так что при желании представлялась возможность узнать о погоде в Тамбове в апреле 1958 года или как завершили четвертую пятилетку хлопкоробы Узбекистана. На отчетном докладе XXI съезда КПСС висели залатанные серые порты, а под выступлением Никиты Хрущева на 15-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН — кумачового цвета рубаха с продранными на локтях рукавами. Некрашенный дощатый стол, пустынный, как ночная привокзальная площадь, дал приют лишь пузатому графину, явно осиротившему какой-то общественной буфет. Под грубо сколоченной лавкой, на которой выстроились в ряд по ранжиру закопченный чайник, граненый стакан и длинноногий лафитник, дремал гусь, а рядом с ним, на сосновой чурке, сидел, починяя валенок, дед Пахом.

— Здравствуйте, Пахом Григорьевич! — поздоровался Макар Иванович и, указывая рукой на лавку, спросил: — Позволите присесть?

— Садись, в ногах, известно, правды нет, — ответил старик, не прекращая работы.

— Мне надо представляться? — церемонно склонил голову Макар Иванович.

— Надобности нет, Мишаня все уши прожужжал: дескать, дядя Макар да дядя Макар.

— Отлично!

— Что отлично?

— Что навыки полезные не теряете. Это ведь вы в октябре двадцатого Фрунзе Михаилу Васильевичу сапоги чинили, чтобы легендарный командарм в Сиваше ног не замочил?

Дед Пахом оторвался от работы и из-под нахмуренных бровей внимательно взглянул на Макара Ивановича. Тот же, закинув ногу за ногу, энергично похлопал себя по коленке:

— Дивлюсь я вам, дорогой Пахом Григорьевич! Вы ведь и сами, можно сказать, человек легендарный, сподвижник Ильича, ординарец Щорса, соратник Фрунзе... И это только начало вашего пути. Я уж молчу, что вы родной брат увенчанного славой матроса Железняка...

— Язык-то без костей! — сердито крикнул дед Пахом. — Чего несешь? Какого матроса?

— То, что вы, пользуясь служебным положением, подчистили и подправили свою биографию, в интересах дела, конечно, правды не отменяет. И то, что фамилию изменили на Железнов. Как бы там ни было, а Анатолий Григорьевич Железняков остается вашим братом на веки вечные.

— Что ты хочешь от меня? — Старик отложил в сторону валенок и угрожающе поднял перед собой зажатое в кулаке шило. — Поди прочь!

— Очень скоро так и будет! — Макар Иванович изобразил на лице серьезную мину. — Вот только сделаю одно дело, другу помогу, нашему общему другу — Мишане...

— Оставил бы ты мальчонку в покое! — угрожающе повысил тон старик.

— Я-то оставляю, а вот другие — едва ли! Пахом Григорьевич, я уважаю ваше желание придать себя забвению. Иные почивают на лаврах, извлекают дивиденды за минувшие дела, а вы, который без труда мог бы поселиться, к примеру, в Москве в Доме на набережной или хотя бы в высотке на Калининском проспекте, от всего отреклись и притворились юродивым стариком на Болоте. Только пионеры вас и не забывают, потому что две медальки вы все-таки благоволили себе оставить. Эх, знали бы они про все остальное, что едва умещается на вашем генеральском мундире...

— Достаточно, уходите, или я за себя не ручаюсь! — В голосе деда Пахома появилась настоящая сталь, от которой трясомы поджилки у младшего и среднего комсостава.

— Вот-вот, так и надо будет говорить! — Макар Иванович хлопнул в ладоши. — Сейчас вы наденете свой парадный генеральский мундир... Да-да, тот, что припрятан под рухлядь в кладовке! Поидете к Коробовым и потребуете от собравшихся там людей оставить в покое Мишаню и его мамашу. Если вы этого не сделаете, их увезут в далекий закрытый город, навсегда. Уверяю вас, Мишане это на пользу не пойдет!

— В чем дело? Не понимаю! — Дед Пахом смягчился и даже, разоружаясь, выложил шило на стол. — Зачем их куда-то увозить?

— Все дело в паровозе, который сначала в одном месте исчез, потом в другом месте появился. В общем, мой просчет, с меня и будет потом спрос. Я вам все объясню, но сначала надо сделать один звонок и заручиться, так сказать, поддержкой главного калибра.

— Ближайшая телефонная будка на вокзале, — подсказал дед Пахом.

— Ну, это несерьезно — на вокзале! — иронично усмехнулся Макар Иванович. — Телефон должен быть в каждом доме! Более того, он должен быть у каждого гражданина в кармане.

— Чуть ли не каждая, — теперь уж усмехнулся дед Пахом, — как это — телефон в кармане?

— Через каких-нибудь двадцать пять — тридцать лет это станет самой банальной обыденностью, такие карапузы, как Мишаня, будут названивать друг другу по карманным телефонным трубкам. — Макар Иванович поднялся и подошел к окну. — Что это у вас тут? — спросил он, указав на стоящий на подоконнике предмет, накрытый полотенцем.

— Кастрюлька с кашей.

— А вот и нет! Готов биться об заклад, что это телефонный аппарат для прямой связи с Кремлем, спорим? — Макар Иванович протянул старику развернутую ребром ладонь.

Дед Пахом двинул было руку навстречу, но замедлил движение, потом опустил руку вниз.

— Смеешься над стариком?

— Отнюдь! — Макар Иванович элегантно, как заправский фокусник, взметнул полотенце в воздух. — Пожалуйста, получите!

— Тудыт твою! — изумленно охнул дед Пахом, глядя на белый телефон с гербом на наборном диске.

— Сейчас соберитесь с мыслями, — Макар Иванович вплотную приблизился к собеседнику и заглянул ему в глаза, — через несколько минут

раздастся звонок, на связях будет Генеральный, напомните ему, как в январе 1942 года под Харьковом во время Барвенково-Лозовской операции вы помогли бригадному комиссару Лене Брежневу найти оброненный им во время бомбежки планшет с документами... А если бы не помогли, то и не было бы никакого дорогого Леонида Ильича. Последнее, впрочем, говорить не надо! Итак, коротко напомните про 1942 год, он спросит, что вы хотите. А вы ему про то, что надо, дескать, помочь хорошим людям Коробовым. И все!

— Откуда ты знаешь про Харьков, про планшет? — Дед Пахом от удивления застыл с открытым ртом.

— Кто же этого не знает, Пахом Григорьевич, дорогой? Да каждый ребенок...

Зазвонил телефон.

— Пора! — заторопил Макар Иванович.

Дед Пахом подошел к окну, медленно снял трубку, и еще не донеся ее до уха, услышал знакомый миллионам советских граждан голос:

— Леонид Ильич слушает, говорите!

* * *

В переулке Машиниста у дома 28 стояли несколько человек — офицеры в милицейской форме из местного УВД и двое мужчин в штатском. Милиционеры, зная друг друга, тихо переговаривались. Штатские стояли поодаль.

— Я такого еще не видел, — полушепотом сказал замначальника второго горотдела майор Сергачев, — район оцепили взвэшники, бэтэры кругом, пулеметные расчеты. Начальство что-то темнит, в сводках пусто. Слышали, штурм был?

— Брали диверсантов, вроде бы есть жертвы, — так же вполголоса ответил капитан Сулейманов, опер из угрозыска. — И не только район, едва не вся 44-я дивизия МВД встала в оцепление во круг Пскова. Генерал-майор Хряков здесь. С ума сойти!

— Да что там конвойщики? — вклинился в разговор майор Уваров из 1-го горотдела. — Группа «А» из 7-го Управления КГБ прибыла в полном составе. — Он скосил глаза в сторону штатских. — Вон они, старшие братья, бдят!

В это время в перспективе переулочка появился кортеж автомобилей. Впереди шла черная «Волга», за ней — бежевая, следом — три желтых милицейских уазика.

— Начальство пожаловало. — Сергачев поправил фуражку и одернул полы мундира.

Из черной «Волги» вышли трое: незнакомый полковник государственной безопасности, зам-

начальника областного УВД полковник Степсель и импозантный мужчина с ниспадающей на грудь ухоженной бородой в дорогом импортном пальто, с зонтиком в руке. К ним присоединились пассажиры из бежевой «Волги» — высокая седая дама в темном деловом костюме и сотрудник в штатском. Из уазиков, как горсть медяков, просыпались в переулок сопровождающие лица — и в форме, и в гражданке.

— Сергачев, ко мне! — жестом подозвал к себе майора полковник Степсель.

— Слушаю, товарищ полковник. — Сергачев вскинул ладонь к фуражке.

— Проводи нас в дом Коробовых. И обеспечь охрану. Чтобы никаких посторонних!

— Так точно, товарищ полковник! — Сергачев опять чиркнул кончиками пальцев по околышку фуражки. — Будет исполнено! — Он открыл перед ответственными лицами капитку и проводил их до крыльца. Вернувшись и утерев пот со лба, спросил товарищей:

— И когда это закончится?

Те молча пожали плечами...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Учатся у тех, кого любят.

Гете, немецкий писатель

Мишаня все еще в растерянности стоял у кухонного стола, пытаюсь понять, куда делся Макар Иванович. Когда вдруг распахнулась входная дверь и на кухне сразу стало тесно от прибывших важных персон. Сотрудник в сером костюме вскочил, мигом растеряв всю свою важность, и вытянулся во фронт перед полковником госбезопасности.

— Козин, результаты есть? — спросил тот у серокостюмного.

— Так точно, товарищ полковник! — доложил Козин. — Продолжаю работать с гражданкой Коробовой!

— Продолжай! И можно без званий, по фамилии обращайся.

— Так точно, товарищ Седой!

— Располагайтесь, товарищи! — проявил тем временем распорядительность полковник Степсель. — Еще стулья есть? — спросил он у хозяйки. — Да и чай, если можно, гостям, люди с дороги.

Нина Сергеевна засуетилась, принесла стулья из спальни и комнаты сына, захлопотала с чайными приборами.

Мишаня смотрел на все это, округлив глаза. Он думал, как бы ему незаметно ускользнуть на улицу. И быстро-быстро домчатся до Бригадного тупичка. «Может быть, разрешит дядя Макар поиграть с кораблем? И с паровозиком?» Ему почему-то совсем не верилось, что его друг куда-то ушел навсегда, ведь это было бы нечестно! Тут он заметил, что на него пристально смотрит бабушка с большущей бородой, как у старика Хоттабыча.

— А это тот самый мальчик Миша? — спросил он противным приторным голосом. — Михаил, вы нужны советской науке! И нужны немедленно!

— Кому он нужен? — испуганно воскликнула Нина Сергеевна. — Для опытов?

— Ну что вы, милочка, Аркадий Исаакович не делает опытов над детьми, — низким мужским басом сказала высокая дама, — академик Куликовский возглавляет научно-исследовательский институт и решает важнейшие научные задачи под руководством партии и правительства.

— Именно так, — с важностью подтвердил Куликовский, — для решения такой задачи мы и прибыли.

Он нежно поглаживал свою бороду, иногда игриво ее пощипывая. Мишаня подумал, что сейчас дед вырвет несколько волосков из бороды и превратит всех дядек в редиски, а сердитую тетку в свеклу. Но тот не спешил приступать к волшебству. Он степенно уселся за стол между двумя полковниками и начал перебирать поданные ему высокой дамой бумаги.

— Инна Юрьевна, заключение по артефакту где? — спросил он у помощницы.

— Так вот же, прямо перед вами. — Та, аккуратно смахнув разлетающуюся по документам бороду академика под стол, постучала длинным желтоватым пальцем по нужному листку.

— Спасибо, — чуть заметно кивнул Куликовский, — что бы мы без вас делали.

Непонятно, имел ли он в виду под этим «мы» сидящих рядом полковников или только себя во множественном числе? Полковники на всякий случай расправили плечи и начальственными взглядами оглядели подчиненных.

— Так вы к нам по какому делу? — простодушно поинтересовалась Нина Сергеевна.

— Видите ли, э-э-э... — Академик вопросительно взглянул на помощницу.

— Коробова Нина Сергеевна, — подсказала та.

— Видите ли, Нина Сергеевна, иные задачи требуют применения самого пристального внимания и всей глубины научной мысли. Я понятно выражаюсь?

Полковники согласно кивнули. Мишаня, под давлением выпученных в его сторону глаз Инны

Юрьевны, сделал тоже. И лишь Нина Сергеевна в недоумении пожала плечами.

— Вы любите свою страну? — внезапно спросил у нее Куликовский и, не дожидаясь ответа беспомощно хлопающей глазами Нины Сергеевны, продолжал: — Восхищаетесь ее учеными, писателями, художниками? Знаете про великие достижения науки и успехи промышленности? Так вот, хочу вас разочаровать, напрасно вы всем этим восхищаетесь. Весь наш научный и промышленный потенциал не способен создать даже отдаленное подобие артефакта, ради которого мы здесь собрались, и думаю, еще долго будет не способен. А скорее всего, вообще никогда не создаст ничего подобного.

— Вы, прошу прощения, какой артефакт имеет в виду? — перебил его полковник Седой. — Нету ли уменьшенную копию паровозика? И, простите еще раз, как это вы позволяете себе призывать не восхищаться нашей великой страной? Вы отдаете себе отчет?

— У вас какое научное звание? — обратился к полковнику Куликовский.

— У меня звание полковника государственной безопасности! — твердо отчеканил Седой.

— Вот-вот, а если бы было научное, то вы, любезный, не несли бы подобную ахинею.

Седой покраснел от ярости, но, стиснув зубы, промолчал.

— Так вот, — продолжал академик, — конструкция паровоза — это масса технических изобретений и идей, ибо заставить работать бесперебойно и безопасно паровую машину, в топке которой температура достигает 1800° , а нагрузка в котлах доходит до 60 атмосфер, при мощностях некоторых моделей до 8000 лошадиных сил, — дело отнюдь непростое. Все это в полной мере относится и к нашему артефакту. Дело в том, что это не копия паровоза, это тот самый пропавший паровоз, но уменьшенный в тридцать тысяч раз в массе и объеме. У него дееспособный паровой двигатель размером с яблоко, но при этом способный сохранять рабочее давление. И еще один аспект, товарищи. — Куликовский, призывая к максимальному вниманию, ткнул пальцем в потолок. — Как известно, у существующих паровозов достаточно низкий КПД — 12–14 процентов. Это связано со многими факторами. Так, например, пар, покидая машину, уносит с собой значительную часть полученной тепловой энергии, около 40 процентов. Кроме этой, есть другие потери: от неполного расширения пара, утечка его через неплотности, противодавление на нерабочую сторону поршня и так далее. Так вот, у нашего артефакта, в отличие от современных паровых ма-

шин, по заключению экспертной комиссии, КПД составляет 80–90 процентов! Вы себе это представляете?

— Как это может быть? — вежливо любопытствовал полковник Степель.

— Вот и я бы хотел это знать! — воскликнул Куликовский. — Но современная наука, еще раз повторю, не в состоянии на это ответить.

— Вы про какой паровозик говорите? — потерянным голосом спросила Нина Сергеевна. — Не про тот ли, в который игрался мой сын?

— Вот-вот! Ваш сын! — Академик потряс в воздухе руками. — Это тоже тема, требующая изучения. Какова его роль в появлении артефакта? Какая между ними связь? Каково взаимное влияние? Вопросы и вопросы!

— Да это же просто игрушка! — всхлинула Нина Сергеевна, предчувствуя надвигающуюся беду.

— Игрушка? — переспросил Куликовский. — А вы знаете, что внутри этой игрушки висела курточка машиниста, а в ее кармане лежал паспорт, выданный на фамилию гражданина Кузякина, а также деньги? И все это уменьшенное в тридцать тысяч раз! А хотите, расскажу про иголку, которая была заколота в воротник? Про катушку ниток? Про анальгин и бутылочку йода в аптечке? Видели бы вы эти игрушки! Я имею в виду — в электронный микроскоп. А вы говорите! Да тут фундаментальная наука в тартарары летит! Вся таблица Менделеева! Вы представляете структуру материи артефакта? Из каких атомов он состоит? Да это вообще нечто не из нашей Вселенной, не имеющее отношения к нашему миру!

— Каков порядок действий, товарищ Куликовский? — спросил вернувшийся к нормальному состоянию полковник Седой.

— Как какой? Сейчас собираемся и вместе с семьей Коробовых едем в аэропорт, а далее в Москву.

— Вы слышали, гражданка Коробова? Срочно собирайте вещи в дорогу себе и ребенку, берите самое необходимое, через полчаса отбываем, — приказал Седой. — Козин, проследи за их сборами.

— Никуда мы не поедем, — запротестовала Нина Сергеевна.

— Отставить! Это не обсуждается! — оборвал ее Седой. — Это задание партии и правительства.

— Позвольте... — попыталась было продолжить Нина Сергеевна, но осеклась...

Серокостюмный Козин положил ей руку на плечо, побуждая к выполнению приказа.

— Надо активировать сенсорный ключ, чтобы открылся новый горизонт возможностей артефакта, — неожиданно для всех громко продекламировал Мишаня.

— Что? — Академик Куликовский, привстав с места, застыл в немом удивлении.

Козин вопросительно взглянул на полковника Седого, но тот лишь растерянно пожал плечами.

— Говорите, молодой человек, — спросил прошедший в себя Куликовский, — что вы имеете в виду?

— Это тайна, могу сказать только вам по секрету на ушко, — ответил Мишаня, в точности выполняя указания Макара Ивановича.

— Сделайте это немедленно! — Куликовский нетерпеливо выгнул шею и склонил голову в сторону мальчугана.

Тот, приблизившись, как и было предписано, дунул в подставленное ему розовое в синих прожилках ухо и добавил от себя заклинание старика Хоттабыча:

— Трах-тибидох!

При этом он попытался незаметно вырвать несколько волосков из бороды академика. Незаметно не получилось.

— Что вы творите, вздорный мальчишка? — взвизгнул ученый. — Ваше баловство неуместно! Срочно пакуйте вещи, уезжаем!

Мишаня незаметно разорвал доставшийся ему как трофей клочок бороды Куликовского и загадал желание: «Чтобы все, кроме мамы, сейчас же улетели на небо!» Он начал про себя считать, зная, что для исполнения даже самого сильного волшебства требуется время. На счете «тридцать» входная дверь широко распахнулась...

Сначала в дом гусиным шагом вошел гусь Мартин, за ним полустроевым — дед Пахом в парадном мундире генерал-лейтенанта КГБ. На его груди, кроме множества медалей, красовались две Золотые Звезды Героя Советского Союза и три ордена Ленина. Все повскакали с мест.

— Мартин, дедуля! — обрадовался Мишаня.

Остальные недоверчиво молчали, слишком нелепо выглядел давно растерявший выправку, заросший щетиной старик в генеральском мундире. Первым, в соответствии с занимаемой должностью, засомневался полковник Седой.

— Позвольте ваши документы, товарищ генерал, — попросил он, — это ваша форма?

— Я что же, по-вашему, чужую форму надел бы? — ледяным тоном ответил дед Пахом.

— Предъявите удостоверение личности, — повторил Седой и добавил: — Будьте любезны.

— Что здесь происходит? Приказываю доложить! — сказал, словно выстрелил, дед Пахом, одновременно протянув Седому удостоверение.

— Так, — раскрыв документ, начал читать полковник, — удостоверение личности, Железнов

Пахом Григорьевич, воинское звание генерал-лейтенант, должность ого-го! Так, читаем вкладыш, предьявитель сего генерал-лейтенант Государственной безопасности Пахом Григорьевич Железнов состоит в запасе КГБ СССР. Начальник главного управления кадров... Все в порядке, товарищ генерал! — Седов выпрямился и поднял вверх подбородок.

— Итак, что происходит? — с угрозой в голосе повторил дед Пахом.

Мартин при этом зашипел и хлопнул крыльями.

— А что, товарищ генерал дрессировщиком подрабатывает? — наклонившись к Мишане, тихо пробасила Инна Юрьевна.

— Он нашим соседом подрабатывает, а Мартин наш общий друг! — с гордостью ответил Мишаня.

— Товарищ генерал, — замялся Седой, — у нас важная государственная миссия, строго секретная, вы давно в отставке и допуска к гостайнам, очевидно, не имеете, так что простите, — он скопил глаза сначала на Куликовского, потом на Степеля, — я вынужден...

— Полковник, — гробовым голосом оборвал его дед Пахом, — вы как никто другой знаете, что у нас бывших не бывает. Мы, ветераны, лишь временно в запасе. Так что как старший по званию приказываю собирать манатки — и бегом к месту прохождения службы. Касается всех, кроме Коробовых, они остаются!

— Это невозможно, Пахом Григорьевич! — воскликнул Седой. — У меня приказ председателя Комитета.

— Приказ Андропова отменен!

Все повернули головы в сторону входной двери, где стоял новый гость, незаметно появившийся несколько мгновений назад.

— Это товарищ Вилкин, второй секретарь обкома партии, — внес ясность в происходящее полковник Степель.

— Товарищи, — с придыханием сказал Вилкин, — только что поступило указание от дорогого Леонида Ильича, он лично позвонил по телефону и распорядился выполнять все приказы генерала Железнова. Так и сказал: все, что прикажет старик, — исполнять!

— Подтверждаю! — добавил Седой, помахав в воздухе листом бумаги. — Мне только что передали телефонограмму такого же содержания. Итак, какие будут указания, товарищ генерал?

— Да я уж все указал, — усмехнулся дед Пахом, — манатки в руки и тью-тью, а то мне некогда, у меня, понимаешь, скворечник в рост вошел, пора его с грядки снимать!

— Это невозможно! — начал было возмущаться Куликовский, но гуся Мартин пребольно ущипнул его за ногу.

Академик опять взвизгнул и, увлекаемый под руку Инной Юрьевой, выскочил на улицу.

Последним покидал дом полковник Седой.

— Вынуждены уйти, — доложил он Нине Сергеевне, — но, уверен, скоро вернемся.

— А я так не уверен, — крикнул ему вслед дед Пахом, — границы держите на замке!

— Так ты настоящий командир! — восхищенно воскликнул Мишаня, подергивая фалду мундира, и предложил: — А ты, деда, так всегда и ходи! Может, и мне форму найдешь? И автомат настоящий?

— В свое время тебе все это дадут, — успокоил дед Пахом, — а я уж свою относил. И сегодня ничего не было! Если кто спросит, скажете, приснилось! Ладно, пойду. Мишаня, через пятнадцать минут сбор на огороде!

— Господи, и приснится же такое! — устало утерла лоб Нина Сергеевна и начала убирать со стола чайные приборы...

* * *

Через пятнадцать минут Мишаня стоял у калитки и смотрел на облака, которые, как вражеские танки, черными тенями напозлали на Завокзалье. Их грозная рать заслонила солнце, так что разом потемнело. Окрепший ветер погнался вдоль перелуга Машиниста колонны пыли и песка.

— Надо отметить, гроза будет, ливень! — предупредил пробежавший мимо участковый Брагин. — Прячься!

— Сам прячься! — крикнул ему вдогонку Мишаня. — Солдаты не прячутся!

Вдали тревожно загудел паровоз. В этот же миг небесная сфера треснула и, ослепив мгновенной вспышкой огня, громыкнула из всех калибров, так что все вокруг зашаталось и затряслось.

— Ура! — что есть силы заорал Мишаня и, не обращая внимания на падающий с неба дождь, на воображаемом коне поскакал в огород.

А дождь уже не падал, он рушился, низвергался, будто пытаюсь вернуть во власть водной стихии некогда освобожденное от нее Болото...